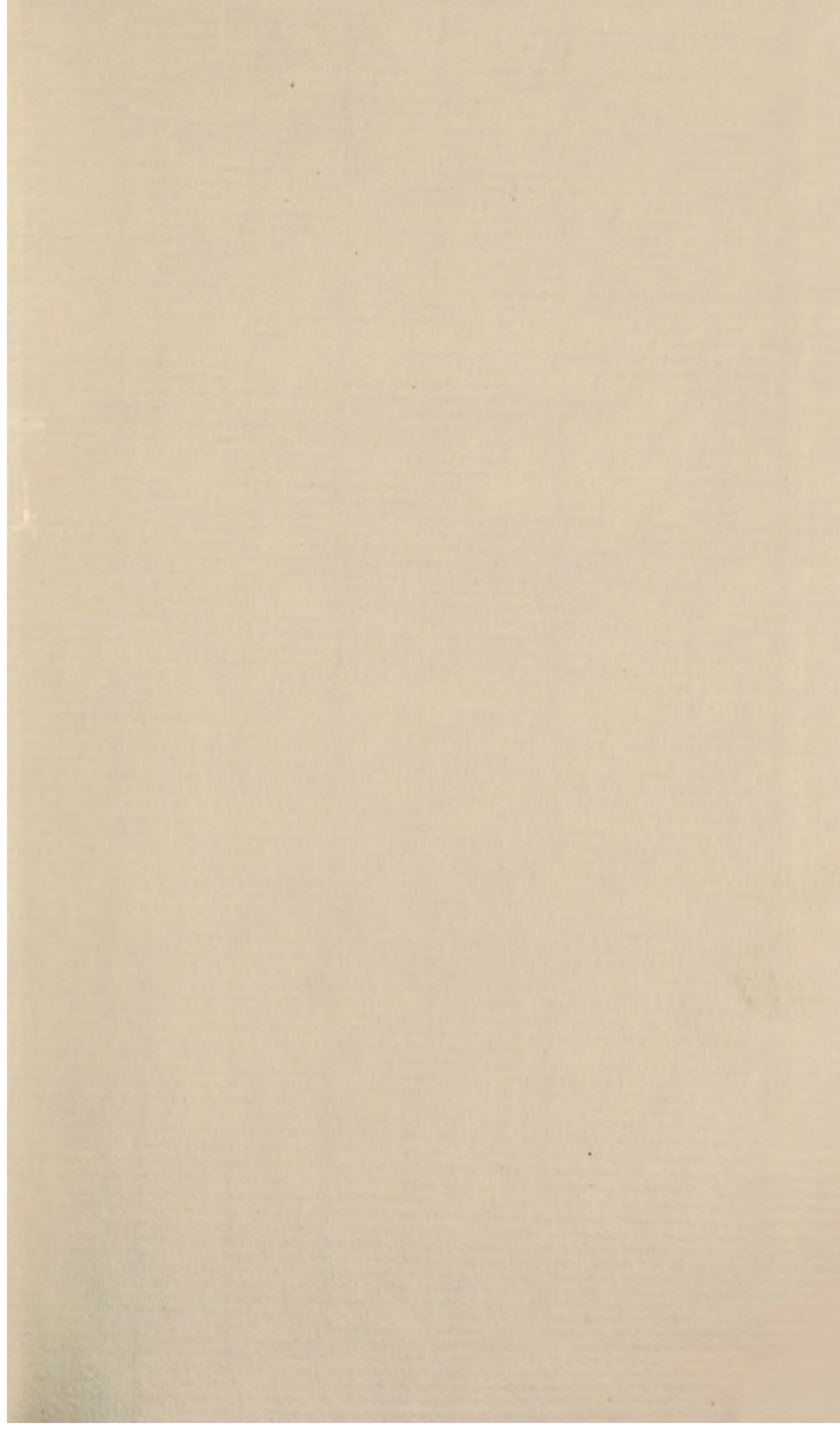

P. o. rel.

2400

-1

P.O. rec. 2400-1

МАЛЬВИНА,

ИЛИ

ПРЕДЧУВСТВІЕ

СЕРДЦА.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.

1834.

B.O. rel. 2400.

Malmine, oder August & August
Bismarck von der Fürstin
Isabella Czartoryski" jähig
Grozogin von Ostbabenberg
(und Zuffsp.)
Auch der Kolonial- und
aus der 5ten Auflage.
H. I.
Möckel 1834.

P.O. rel 2400
P.O. rel. 2400

МАЛЪВИНА,
ИЛИ
ПРЕДЧУВСТВІЕ СЕРДЦА.

Сочиненіе

Княжны Изабеллы Чарторьской,

нынѣшней

Герцогини Виртембергской.

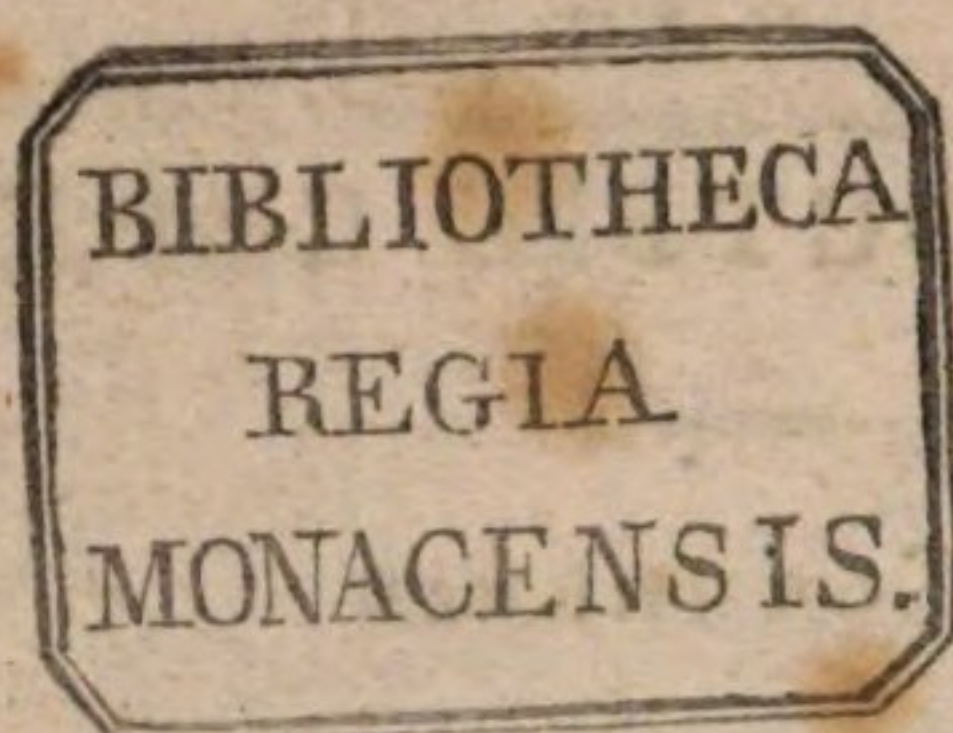
съ Польскаго.

Переводъ съ пятаго изданія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.
1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чптобы по оппечатаваніи предспавлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Москва. Септября 1 дня, 1833 года.

Ценсоръ *Двигубскій.*

ЕЯ СІЯТЕЛЬСТВУ

КНЯЖНѢ

ЕКАТЕРИНѢ ЛЬВОВНѢ

ШАХОВСКОЙ

Переводчикъ.

ESTABLISHED

1850

AMERICAN

RECORD

1850

МАЛЬВИНА.

ГЛАВА I.

ГРОМЪ.

— Мнѣ кажется, что послѣ бури въ комнапахъ сдѣлалось душно? Не худо бы было разпворишь балконное окно?

— Сесприца! комары при свѣчѣ на-
лепяшъ пысячами.

— Ну, пакъ закрой окно занавѣскою. Комары къ намъ не влепяшъ, а между тѣмъ будетъ прохладно, и запахъ резеды, освѣженной дождемъ, пройдетъ

сюда. Нѣтъ, миленькая прусиха,—продолжала Мальвина съ улыбкою,—нѣтъ, пы не сполько боишься комаровъ, сколько грому! — Правда, чпо громъ не переспавалъ гремѣшь въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ; но теперь онъ совершенно утихъ, шакъ пора бы и тебѣ успокоиться, моя Ванда! Чпобы пы не боялась, я заиграю тебѣ шу мазурку, копорая, по словамъ швоимъ, напоминаетъ тебѣ самыя веселыя балы.

Ванда, убѣжденная сими словами, оставила пяльцы и пошла отворять окно, а Мальвина, закрывши свою рабшу, сѣла за форте-пьяно и заиграла любимую мазурку.

Ванда, весело прохаживаясь взадъ и впередъ по залѣ и вспоминая о зимнихъ балахъ, совершенно позабыла о

громъ ; но подумавши, что ей не при-
спало дѣлспівовапъ, она приняла на
себя важный видъ и, сѣвши около
фортепьяна, сказала:

— » Оспавъ эпопъ вздоръ, сес-
прица , переспанъ играпъ мазур-
ку. — Спой лучше мнѣ одну изъ
пѣхъ пѣсенъ , копорья хопя и не
пакъ печальны, однако всегда меня
распрогивающъ , когда пы запоешь
своимъ пріятнымъ голоскомъ. «

Мальвина, гошова каждому услу-
жипъ, а еще болѣе сеспрѣ своей, нѣ-
сколько поигравши, запѣла слѣдующую
пѣсню:

ВѢНОКЪ ГАЛИНЫ. (*)

Однажды, гуляя въ зеленыхъ лугахъ,
Я свѣжія розы съ фіалкой сплелала,
Чтобъ ими украситъ Галины чело;
Вездѣ собирала гвоздики, лилеи!

(*) Изъ Пріора.

Поутру цвѣтами, румянѣй меня,
Прелестныя кудри она убирала.
Дыханіе устѣ благовоннѣй цвѣповѣ;
Ихъ свѣжестѣ блистанье лица помрачило!

✱

День цѣлый Галина ходила въ цвѣсахъ,
И каждый паспухъ говорилъ съ восхищеньемъ:
»Цвѣты на ней спали душистѣй, свѣжѣй,
»Чѣмъ прежде, когда разцвѣтали въ долинь.«

✱

Когда же, вечерней порою, цвѣты
Увяли, поблекли, въ то время Галина,
Изъ рукъ уронивши на зѣмлю вѣнокъ,
И очи свои опустила въ смущеньѣ!

✱

Сильнѣй ея взоръ выражалъ, чѣмъ уста,
То чувство, которое небомъ дано ей,
Когда на цвѣты, какъ бы капля росы,
Слеза изъ очей вдругъ скапилась невольно!

✱

Желая причину унынья узнатьъ,
Скажи, опѣ чего, — я спросила Галину, —

Твой видъ опечаленъ угрюмой поской?
Скажи мнѣ, что слезы твои означаютъ? ...

✱

Галина вздохнула, пошупя глаза,
И послѣ съ улыбкой печальной спраданья
Сказала: смотри, въ семь прелестномъ вѣнкѣ
Мгновенье такъ быстро надежду стубило!

✱

Ахъ, ранняя юность съ весною сходна,
И та и другая блистаютъ красою;
И обѣ подобны убранствомъ своимъ;
Весна такъ цвѣшетъ, какъ и молодость наша!

✱

Въ весельи дни мчались Теоны молодой.
Она средь подругъ беззаботно рѣзвилась.
Но вопъ звонъ печальный раздался.... Гудѣтъ....
Чишаю на гробъ: *Теона лежитъ здѣсь.*

✱

Что было судьбою Теоны вчера,
То нынче, быть можетъ, свершится со мною.
Скажи же мнѣ, милый, могуль я теперь
Умѣришь въ душѣ безуспѣшную горестъ?

=====

Никогда голосъ Мальвины такъ пріятно не раздавался, какъ въ эшоптъ вечеръ. Она, по просьбѣ сестры своей, еще разъ повпорила послѣдній куплешъ; но вдругъ ей послышался шорохъ, какъ будто бы кто нибудь ходилъ по шеррасъ. Эшо прервало ея пѣніе. Мальвина замолчала. Ванда, по обыкновенію, спала боясь. Попомъ, спараясь ободритъ, онъ осмѣлились выйдти на балконъ.

Онъ ничего не могли увидѣть, потому что ночь была темна. Сгуспившіяся шучи, предвѣщавшія дождь и громъ, одѣвали все небо; въ воздухѣ была совершенная пишина, какъ обыкновенно случается передъ сильными бурями. Одинъ только соловей, сидѣвшій на ближнемъ пополѣ, прерывалъ молчаніе, изливая спраспные звуки.

— » И шакъ, мы обманулись,—сказала Вáнда,—вообразивши, чпо намъ послышался какой-то шорохъ? Здѣсь ни живой души нѣтъ: всюду мрачно! Такъ какъ мы, по несчастію, живемъ теперь не въ тѣ времена, когда Сильфиды блуждали крутомъ пещеръ, по я совѣшую ворошишься въ комнапу; ибо здѣсь, кромѣ проспуды, мы ничего не дождемся. «

Мальвина, опершись на балконныя перилы и устремивши глаза свои въ пемнопу, не обращала никакого вниманія на слова Вáнды; но вдругъ молнія, прорѣзавшая въ эпу минупу черныя облака, вывела ее изъ задумчивоспи. Вáнда, испугавшись, насильно впащила въ комнапу сеспру свою; запворила окны и опустила занавѣски, чпобы, сколько было возможно, не видаць

молніи и не слыхашъ грому, котораго она съ ужасомъ ожидала.

Едва успѣла она сдѣлать предосторожности, и только что объ сеспры сѣли за пальцы, какъ вдругъ сильный выперъ закачалъ огромные попопы около дома; крупный дождь заспучалъ по стекламъ оконъ и загремѣлъ громъ. Ванда испугалась. Мальвина, никогда не боявшаяся грома, была объята какимъ-то ужасомъ.

Она вспала и хопѣла было пойдти приказать, чпобы зашворили двери и окны; вдругъ раздался сильный ударъ грома. Казалось, что онъ разразился надъ самымъ домомъ, или въ другомъ ближайшемъ мѣстѣ.

Мальвина осполбенѣла. Примѣпивши Ванду, лежавшую безъ чувствъ отъ испуга, она вдругъ позабыла о своемъ ужасѣ, побѣжала къ сеспрѣ

своей и чуть-чуть было, въ поропяхъ, не опорвала всѣхъ колокольчиковъ. Слуги сбѣжались изо всего дома. Вскорѣ ихъ спараніями Ванда приведена была въ чувство. Мальвина, увидѣвши, что она не такъ уже блѣдна и снова улыбается, приготовилась съ перпѣніемъ выслушать длинные рассказы, всѣми повсюряемые въ одинъ голосъ, объ ужасномъ громѣ и о впечатлѣніи, какое онъ сдѣлалъ на каждого.

— » Клянусь Богомъ, — кланаясь, сказала Франковская, заслуженная горничная Мальвины, — клянусь Богомъ, я никогда еще не была такъ испугана. « —

— » Я для васъ гладила ворошничокъ, — сказала Маша, служанка, — но вдругъ, испугавшись, уронила утюгъ и

пришибла лапку Кòры, ко̀торая виз-
жи́тъ еще до сихъ поръ.»

— » Э́то все ничего не значи́тъ! Я
вамъ вкратцѣ расскажу свое мнѣ́нiе
объ э́той всеобщей превогѣ́ — загово-
рилъ спарый Марпы́нъ, заслуженный
камердинеръ, почтенный и добрый,
имѣ́вший всѣ́ доспоинспива, но никогда
еще о́пъ́ своего рожденiя неговорив-
шiй крапко. Его глагольспвованiю не
было бы конца, если бы оно не пре-
рвалось слѣ́дующимъ случаемъ: въ за-
лу вошелъ слуга, докладывая, ч́́по
громъ, всѣ́хъ перепугавшiй, разразил-
ся надъ жи́пницею Саморкòвы и за-
жегъ ее молнiею; о́пъ́ сильного же вѣ́-
пра и близоспи ха́тъ, должно опа-
саться большого пожара, пакъ, ч́́по
весьма легко може́тъ сгорѣ́тъ вся де-
ревня.

Добрая Мальвина, всегда помогавшая спраждущимъ, въ какомъ бы они соспояніи ни были, имѣла особенную причину принявъ участіе въ Саморковѣ, копорая вскормила ее своимъ молокомъ и опѣ самага дѣтиспѣва любила ее, какъ родную дочь.

Въ это время Мальвина выбѣжала изъ дому, презирая ночь, вѣперъ и увѣщанія спарика Марпына, обильно проповѣдовавшаго ей о вредѣ, могущемъ произойдти опѣ нерадѣнію о своемъ здоровьѣ.

Она бѣжала при свѣтѣ луны и наконецъ увидѣла передъ собою печальное зрѣлище.

Жипница Саморковы уже сгорѣла, а хаша ея была обьяша пламенемъ. Мужики, очнувшись послѣ перваго сна, не знали, чпѣ дѣлапъ, думая, чпѣ пожаръ, зажженный грозою, не лъзя по-

пушипъ. Вопли женщинъ и дѣшей, темная ночь, сильный вѣтеръ и все соединилось для того, чтобы воспревожишь Мальвину. Она обезпамятѣла, не зная, что въ такомъ случаѣ дѣлать?

Вдругъ слышались опчаянные вопли Саморковъ: »Ахъ, моя внучка, моя бѣдная Алина! Она спитъ въ горницѣ и, навѣрно, тамъ погибнетъ!... «

При сихъ словахъ Мальвина осполбенѣла, не зная сама, что дѣлать. Внимая только своему доброду сердцу и желая спасти ребенка, она бросилась въ пламень, опемненная клубами дыма. Въ это время упало передъ нею полуобгорѣвшее бревно и запрепятствовало ей идти далѣе. Ея силы, изпомленные сполькими безпокойствами и неравнявшіяся силамъ душевнымъ, совершенно ее оставили. —

Вдругъ подбѣжалъ къ ней неизвѣстный мужчина, перескочивши черезъ обгорѣлыя спропилы, бревны и доски. Онъ избавилъ ее опъ опаснаго положенія и вывелъ на свѣжій воздухъ.

Мальвина лежала безъ чувствъ на рукахъ незнакомца, счастливо освободившаго ее опъ огня.

Онъ поручилъ ее спараніямъ женщинъ и слугъ; а самъ побѣжалъ спасать ребенка, копорый невиннымъ образомъ могъ бы сдѣлаться причиною Мальвиной смерпи.

Незнакомецъ, не смопря на грозившую опасноссть, прямо доспигнулъ до шого мѣста, гдѣ малюшка-Алина спокойно спала въ своей колыбели.

Онъ проворно завернулъ ее въ покрывало, какое только попалось ему въ руки, и поспѣшно унесъ ее.

Вскорѣ пожаръ при его помощи былъ прекращенъ. Между шѣмъ Мальвину перенесли въ ближнюю хашу. Пришедши въ чувспво, она никакъ не могла понять, гдѣ находилась. Опкрывши глаза, она увидѣла передъ собою того самого незнакомца, копорый только мелькомъ прежде показался ей.

Онъ взиралъ на нее съ глубокой поскою. Мальвина примѣпила на рукахъ его Алину.

— » Она жива и спасена! — произнесъ незнакомецъ, — и сдѣлаешся счастливейше всѣхъ, если будешъ въ состояніи опблагодаришь свою благодарительницу. «

Видъ ребенка, а можешъ бышь, и слова сіи, шакъ искусно произнесенныя, успокоили превожное сердце Мальвины, внушивши ей какое-шо прога-

пельное чувство, прежде ей невѣдомое.

— » Я и Алина, — сказала Мальвина незнакомцу, — обязаны вамъ своей жизнью. Я бы желала узнатьъ ваше имя, чшобы мнѣ было извѣстно, кому я одолжена благодарностию. «

— » Это значитъ слишкомъ дорожить случаемъ, — отвѣчалъ незнакомецъ, — копорый содѣлался для меня счастьемъ, и выполненіе копораго всякой долженъ считатьъ обязанностию. Чтò касается до меня, то я бы не хотѣлъ никому быть въ тягосъ; но принужденъ исполнить ваше желаніе: меня зовутъ Людомиромъ. Проезжая эту деревню, я остановился на почповомъ дворѣ, ибо поднялась сильная буря и помѣшала мнѣ продолжать путь свой. Когда же она утихла, я осмѣлился прохаживаться по прекрас-

нымъ дорожкамъ, ведущимъ къ дому....
кошораго вы..... Я легко шеперь до-
гадался.... «

— » Ахъ! и я шеперь догадываюсь,
кто..... (прервалъ мое пѣніе,—хотѣла
было прибавить Мальвина).

Она покраснѣла.

Людомиръ, примѣпивши ея смуще-
ніе, показывалъ, что не обращаетъ на
это вниманія и сказалъ:

— » Когда снова поднялась буря, я
спряхался подъ ближнимъ навѣсомъ;
услыхалъ ударъ грома и наконецъ уви-
дѣвъ пожаръ, прибѣжалъ сюда. Для ме-
ня счастливѣйшая минута въ жизни
есть та, въ копорую я могу быть
полезнымъ добродѣтели и невинно-
сти. «

Людомиръ замолчалъ. Саморкова, ко-
торая опъ радости чувъ было не со-

шла съ ума, видя свою внучку и Мальвину въ безопасности, не могла выразить Людомиру благодарности своей. Домашніе Мальвины, весьма привязанные къ своей госпожѣ, раздѣляли радость Саморковъ. Ванда, которая поплакала, по смѣялась, благодарила Бога и Людомира; обнимала Алину, Саморкову и всѣхъ, ей вспрыпавшихся.

Повиснувши на шеѣ сестры своей, она сказала: » Ахъ! какъ мудро успроило Провидѣніе, что ты живешь еще на свѣтѣ и оспалась моей сестрою. Мы такъ искренно любимъ другъ друга! «

Послѣ изліянія сихъ чувствъ, она приняла на себя обыкновенный видъ и съ улыбкою сказала Мальвинѣ:—»Надѣюсь, сестрица, что тебѣ извѣстны права древняго рыцарства, которая ты совѣщывала мнѣ уважать. Ты зна-

ешъ, чпо благородные рыцари, жерп-
вовавшіе для спасенія дамъ своей честью,
или жизнию, послѣ приглашались въ
зѣмки пѣхъ же самыхъ дамъ и были
угощаемы. Мы древняго зѣмка не имѣ-
емъ, пакъ, по крайней мѣрѣ, пы дол-
жна пригласишь къ себѣ нашего ры-
царя, копорый довольно намъ знакомъ
по своей опважности и челоуколю-
бію. «

Мальвина, копорая, можетъ бытъ,
и сама желала предложишь домъ свой
Людомуру, не рѣшалась однако приняшь
незнакомаго госпя, особенно въ небытъ-
ности своей шепки, всегда съ нею
жившей, копорая въ это время была
въ опсушспвіи.

Когда Людомиръ спасалъ Алину, шо
часъ полубогрѣвшаго бревна упала
ему на плечо и его ранила. Онъ съ перва-
го раза не обратилъ на это вниманія

и рука его начала болѣе и болѣе пухнуть. — Людомиръ ничего не говорилъ дамамъ о своемъ ушибѣ; но Ванда успѣла опкрышь это. Окровавленный рукавъ обличилъ сію шайну.

Опасенія Мальвины успутили споль важнымъ причинамъ. Послѣ сего всѣ условились, къ бѣльшей радости Мальвины, чпобы дамы пригласили въ замокъ рыцаря и имѣли бы объ немъ попеченіе.

Мальвина обѣщала вознаградишь убытки креспьянъ.

— » Алину, — сказала она — я возму къ себѣ и спану ее воспитываишь.»

Алина, обрадованная эшимъ, ухватила за плашье своей впорой мапери, упрашивая, чпобы она шенерь же взяла ее съ собою.

Когда ея бабушка охотно на это согласилась, то Людомиръ, не смотря на свою рану, не допуспиль никого неспи ребенка, и самъ, взявши его на руки, пошелъ уже не на почповый дворъ, но съ двумя сеспрами въ ихъ замокъ.

ГЛАВА II.

ПИСЬМО ЛЮДОМИРА КЪ ТЕЛИМЕНЬ.

Кршэвинъ. 18. . . . Маія 15.

МИЛАЯ МАТУШКА!

Я думаю, чпо вы уже получили два письма, посланныя мною къ вамъ послѣ моего опъѣзда. Я васъ ни о чемъ болѣе не могъ увѣдомишь, какъ полько о моей къ вамъ привязанности и о той непонятной поскѣ, копорая принудила меня оставишь домъ вашъ и копорая, до сихъ еще поръ, меня не покидаешъ.

Мальв. Ч. I.

Не спану описываю вамъ моей скучной дороги. Я поѣхалъ, пошому чпо вы приказали мнѣ это сдѣлать, видѣвъ меня всегда грустнымъ и почти несчастнымъ.... (если съ вами можно быть несчастнымъ).

Ваша обо мнѣ попечительность внушила вамъ мысль, чпо переменна мѣста и трудность дороги могутъ испробить глубокую печаль мою и мятежныя волненія души, копорая въ состояніи перенести все, кромѣ мученій, назначенныхъ ей жестокой судьбою.

Но переспану вамъ говорить объ этомъ; я думаю чпо вы уже опечалились. Лучше опишу вамъ вчерашній день, споль для меня счастливый, пошому чпо я въ этотъ день былъ полезенъ.

(Здѣсь Людомиръ описываетъ извѣстное уже чипапелю изъ предыдущей главы).

При заревѣ пожара, въ дыму, между обрушившимися бревнами, среди смятенія и опасности, я увидѣлъ женщину.... Нѣтъ! Это не женщина, но Ангелъ!

Ахъ, мапушка! я никогда не встрѣчалъ подобной, или я никогда не ощущалъ такого впечатлѣнія въ моемъ сердцѣ!...

Я увидѣлъ Мальвину и, можетъ быть, спасъ ее отъ ужасной смерти!... Она лежала на моихъ рукахъ; прекрасная головка ея покоилась близъ сердца Людомира. Она подобила лиліи, наклоненной бурею; ея лице было блѣдно,—а локоны? ... Локоны спадали на шею и на бѣлое платье.

Ахъ! этого очаровательнаго видѣнія никогда не забудешь ни сердце, ни

моя память! . . . Но, любезная машушка, кажется, я слышу, что вы говорите: » Вошъ Людомиръ опять предался своимъ восхищеніямъ. Когда же эта пылкая голова сдѣлается поспоянною?

Чтобы не заслужить вашихъ упрековъ, я равнодушно опишу вамъ оспальное.

Я пришелъ въ замокъ съ Мальвиною и Вандою. Ушибенная рука заставляла меня оспаться здѣсь на нѣсколько дней; ибо заботливая и сострадательная Мальвина не хотела опустить меня до тѣхъ поръ, пока я совершенно не вылечусь.

Не понимаю, опъ чего я здѣсь свободнѣе дышу? Можетъ быть, воздухъ въ Кршѣвинѣ гораздо здоровѣе. Мнѣ кажется, что здѣшніе луга зеленѣе, деревья выше и цвѣты благовоннѣе, нежели въ иномъ мѣстѣ. Я не могъ

заснушь во всю ночь; не знаю, опъ чего? . . . Не опъ пѣнія ли соловьевъ, копорыхъ здѣсь пакъ много. Однако нынѣче я вспалъ съ веселымъ духомъ, чего прежде еще не чувспвовалъ.

Въ десяпомъ часу мнѣ сказали, чпо меня ожидаюпъ къ завтраку, ибо въ Кршѣвинѣ обыкновенно всегда завтракаюпъ вмѣстѣ. Онъ пригопвленъ былъ передъ окнами Мальвины, на правѣ между двумя высокими пополами.

Мальвина не пакъ уже была блѣдна, какъ вчера. Она уподоблялась зарѣ, одѣшая въ бѣлсе кисейное плашье и въ бѣлой шляпкѣ, перевязанной розовыми леншами, копорая закрывала часть ея лица и препяпспвовала спадашь волосамъ.

Теперь вы не можете сказать, чпо я

ни когда не замѣчаю женскихъ нарядовъ. Надѣюсь, что нарядъ Мальвины описанъ мною подробно.

Ванда и Алина бѣгали по правѣ. Всѣ съ участвіемъ спрашивали о моей больной рукѣ.

Мы принялись за завтракъ. Все показалось мнѣ шакъ вкуснымъ. Я сидѣлъ около Мальвины. Небо ясно. Слова, взоры и улыбка ея были шакъ восхищительны! Никогда не скажу я, что на землѣ нѣтъ счастья! Оно существуетъ; оно можетъ существовать; оно невыразимо! Но Людомиру еще до рожденія назначено роковымъ опредѣленіемъ судьбы не думать о счастьи!

Прощайте, мапушка! Мрачныя мысли снова возмущаютъ мои чувства; я не хочу превозмочь ими моего сердца! Прощайте, мапушка! Вы единствен-

ный другъ Людомира. Пока онъ бу-
дешъ сущеспвовашь, до пѣхъ поръ
не периспанешъ васъ почиашъ и
любишь.

ГЛАВА Ш,

ВЪ КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ ПОДРОБНО УЗНАЕТЪ, КТО БЫЛА МАЛЬВИНА.

Мальвина происходила опть одной изъ первыхъ фамилій въ Польшѣ. Когда ея родители хопѣли выдать ея за мужъ, ей тогда было чепырнадцать лѣтъ. Едва вышедши изъ дѣтскаго возраста, она никогда не думала о будущемъ; не понимала, что такое счастье и несчастье; не знала свѣта и никакого другаго чувства, никакой мысли, кромѣ привязанности къ роди-

пелямъ и желанія бытъ имъ покорною и послушною.

Чувствуя величайшее отвращеніе къ человеку, назначенному ей въ супружество, она наконецъ согласилась, по приказанію своихъ родителей, выйти за него за мужъ.

Мальвина сказала своему будущему мужу, что идетъ за него единственно по волѣ своихъ родителей, не имѣя къ нему никакой привязанности. — Онъ отвѣчалъ ей, что это ни мало ему не возпрепятствуетъ; будучи его женою, она къ нему привыкнетъ и въ исполненіи своей обязанности найдетъ счастье.

Сие увѣщаніе встревожило сердце Мальвины, предсказывая ей печальный жребій.

Наконецъ она сдѣлалась Мальвиною
С***.

Родишели Мальвины не долго были свидѣтелями судьбы ея, судьбы, которая должна была несчастливо измѣниться опѣ исполненія воли родишельской. Они скончались, бывши уже въ глубокой спароспи, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы своей дочери. Ихъ смерть принесла Мальвинѣ жесточайшую горестъ.

Ея мужъ, соединявшій въ себѣ, между многими недоспапками, безразсудную ревностъ, увезъ ее въ опдаленную провинцію и жилъ съ нею въ уединенномъ замкѣ, разлучивши ее со всѣми знакомыми.

Тамъ жестокостію своего характера, ревностію и безпреспанными упреками, опправлялъ онъ юныя лѣпа кропкой и невинной Мальвины, которая, ненавидя его, не подавала ему ни малѣй-

шаго повода къ несправедливымъ упрекамъ въ ея невѣрности.

Такъ провела она два горестные года. Наконецъ ея мужъ, котораго спраски были спремительны и непостоянны, наскучилъ мучить жену свою безвзаимной любовью и, переменявши образъ жизни, принялся за охоту.

Цѣлые дни проводилъ онъ въ кругу сосѣдей, себѣ подобныхъ, убивая бѣдныхъ козъ, лисицъ и зайцевъ; а по вечерамъ, возвратившись съ охоты, съ теми же сосѣдями пьянствовалъ до поздней ночи.

Мальвина, бывши въ это время шестнадцати лѣтъ, жила уединенно. Она всегда была дома и никого къ себѣ не принимала. Мужъ ея, каждый разъ бывшій въ оплучкѣ, совершенно оставилъ ее.

Сперва это пренебреженіе опечалило и вспревожило Мальвину; но къ счастью природа одарила ее пламеннымъ воображеніемъ, которое улаждало ея горесть, (ядъ, оправляющій не только злосчастныхъ, но и самыхъ счастливыхъ); — оно облегчало тяжоспный жребій Мальвины и доставляло ей утѣшеніе въ свободные часы, которыхъ у нея было довольно много; она проводила ихъ въ различныхъ занятіяхъ и прогулкѣ.

Мальвина опыскала обширную, совершенно заброшенную библіотеку, доставившую ей большую опраду и истинное удовольствіе.

Бывши еще въ юныхъ лѣтахъ и не имѣя понятія о многихъ предметахъ, она, можно сказать, сама образовывалась, украшала познаніями природный

умъ и сдѣлала постояннымъ свой дѣпскій характеръ.

Мальвина, извлекая изъ книгъ много полезнаго, не пренебрегала также произведеній пламеннаго воображенія; однимъ словомъ, она съ величайшей охотою чипала романы. Эпо обспояпельспво вліяло до нѣкопоровхъ поръ на цѣлую ея жизнь, давши особенное направленіе ея мыслямъ, разсудку и сужденіямъ о людяхъ.

Чипапъ цѣлый день невозможно, посему Мальвина, упопробивши на эпо нѣсколько часовъ, занималась музыкою.

Не однажды раздавался ея голосъ въ гописическихъ галлеряхъ и въ обширныхъ, пуспыхъ залахъ древняго замка. Она любила пѣпъ пѣсни о прежнихъ рыцаряхъ, сливая нѣжный голосъ свой съ величеспвенной гармоніею органа.

Пламенное воображеніе, перенося ее въ прошлоспъ, живописало ея памяши блисшательныя времена рыцарспва, или мрачныя думы Бардовъ.

Ея гибкій и прелеспный спанъ, длинныя черныя локоны, веселое лице, на кошпоромъ не опислѣдились еще ни время, ни спраданія, дѣлали ее восхипишельною!...

Она, одѣшая въ бѣлое плашье, какъ легкая пѣнь, прохаживалась въ обширныхъ залахъ при мѣсячномъ сіяніи, проникавшемъ сквозъ узкія ѳкна. Ея видъ и имя припоминали юныхъ дѣвъ, когда-то бродившихъ въ палапахъ Фингала и воспѣпыхъ Оссіаномъ.

Не думаю, чшобы Мальвина когда нибудъ не вздохнула въ своемъ уединеніи, распроганная музыкою и размышленіемъ о древнихъ дѣяніяхъ, или

о воинственныхъ и благородныхъ рыцаряхъ. Но въ юномъ возрастѣ, въ которомъ она была, есть какое-то предчувствіе о продолжительности будущаго, способное уладить всѣ печали. Это-то предчувствіе могло успокоивать минувшую тоску Мальвины.

Она также занималась рукодѣліемъ, а утро и вечеръ посвящала для прогулокъ между скалами, лѣсами и надъ берегами ручьевъ, окружавшихъ ея жилище. Въ сихъ уединенныхъ прогулкахъ пріятнымъ занятіемъ для Мальвины было — приходишь въ бѣдныя хижины, принося съ собою утѣшеніе, помощь и здоровье. За это ее вознаграждали благословенія спарцевъ, благодарности молодыхъ и улыбка дѣтей; вечеромъ же она съ веселымъ духомъ возвращалась въ свой мрачный замокъ.

Такъ проходили дни. Уже наступала четвертая осень послѣ того времени, какъ Мальвина спала жиѣ въ Глазовѣ. Однажды упрямъ ей сказали, что мужъ ея, по обыкновенію поѣхавшій въ поѣтъ день на охоту, гонясь за звѣремъ, заблудился: охотники нашли его, лежащаго безъ чувствъ, и опнесли въ ближнюю деревню, наскоро давши знать въ замокъ, чтобы поспѣшили сдѣлать вспоможеніе.

Въ это время встревоженная Мальвина побѣжала шуда; но ея искреннія молищвы, спаранія докторовъ и всѣ возможные способы, тогда употребленные, не могли привестъ въ чувствъ ея мужа, который чрезъ нѣсколько часовъ умеръ.

Я бы ошиблась, если бы сказала, что смерть мужа сдѣлалась для Мальвины

несчастьемъ. Она позабывши, что не знала съ нимъ никакой опрады, проли- вала слезы о преждевременной его кончинѣ.

Вскорѣ попомъ Мальвина испытала горестное чувство, оставляя печаль- ный Глазовъ. — Она тогда была сво- бодна, находясь во цвѣтѣ лѣтъ, имѣя надежду на счастье и на пріятности въ жизни, вновь для нея начинавшейся.

Переѣзжая черезъ подъемный мостъ, она съ спѣсненнымъ сердцемъ до стѣхъ поръ смотрѣла на мрачно-пустынный замокъ, пока онъ совершенно не скрылся опъ ея взоровъ, при заходящемъ солнцѣ, коего лучи, освѣчиваясь на спеклахъ, озаряли угловыя башни.

Мальвина, проѣхавши четверть ми- ли, произнесла съ горестію: »прощай, спаринный замокъ, гдѣ провела я спокойно нѣсколько лѣтъ! Я вступаю

теперь въ свѣтъ, мнѣ неизвѣстный. Прощай, пустынное и безлюдное жилище! Дай Богъ, чпобы я никогда не сожалѣла о своемъ уединеніи!....

Мальвина, будучи въ горести, не захопѣла поѣхать въ городъ и рѣшилась оспаться въ Кршєвинѣ, въ одномъ изъ лучшихъ своихъ помѣстій, недалеко отъ города, съ прекрасными мѣстоположеніями.

Прибывши въ Кршєвинѣ, Мальвина написала къ своей тещкѣ, чпобы она къ ней пріѣхала на нѣсколько времени, а можетъ быть, и навсегда.

Ея теща, любившая ее отъ самаго дѣтства, будучи вдовою и не имѣя никакихъ препятствій, охотно согласилась на просьбу Мальвины и, къ величайшему ея удовольствію, привезла съ собою Ванду, копорая послѣ смерти

своихъ родипелей жила вмѣспѣ съ
пешкою.

Въ продолженіи осьми мѣсяцевъ
всѣ проводили время съ удовольствіемъ;
вскорѣ послѣ сего, какъ извѣстно изъ
предслѣдовавшихъ главъ, они познако-
мились съ Людомиромъ.

ГЛАВА IV.

ПИСЬМО ВАНДЫ КЪ ТЕТКѢ.

По опѣздѣ вашему, я не получала еще опѣ васъ ни одного письма, не смотря на обѣщаніе писапъ къ намъ часпо. Эпо первая вина; другая же, чпо вы хопѣли приѣхапъ въ Кршѣвинъ пѣнадцатого числа, а пеперь уже минуло двадцатое, и пѣпушки нѣпѣ, какъ нѣпѣ! Такимъ-по образомъ люди поспупаюпѣ съ *вожсемъ*! Понимаю пеперь, опѣ чего вы, не взирая на

мои убѣдительныя просьбы, позволяли мнѣ отпраляться въ путь не далѣе какъ за двѣ мили въ Рожнишево, въ веселый городъ, гдѣ, конечно, я не могла избаловаться. Но извольте себѣ разѣзжать и собирать новоспѣ; у насъ также еспѣ свои занятія. Почпѣ съ недѣлю у насъ живепѣ госпѣ, госпѣ необыкновенный.... Вы подлюбопытспвуеѣте узнать его.

За то, чпо вы насъ позабываете, я не опкрою вамъ, кпо онъ паковъ. Довольно съ васъ одного имени: его зовупѣ Людомиромъ. Не хваспаюсь, чпобы онъ передо мною былъ гораздо учпивѣе, нежели передъ Мальвиною; но.... но, милая моя пепушка, Мальвина просипѣ васъ, чпобы вы, какъ можно скорѣе возврапились въ Кршевинѣ. Она чрезвычайно желаетѣ этого и говоритѣ: хошя присупспвѣе ва-

ше ей очень пріятно, однако оно никогда не казалось ей такъ необходимымъ, какъ теперь....

Людомиръ высокъ роспомъ, съ прекрасными зубами; но очень рѣдко смѣется, — мнѣ это не нравится. У него глаза черные, коихъ взглядъ такъ проницателенъ. Я должна вамъ все описать, милая моя пепушка.

Вчера, послѣ завпрака, я вмѣстѣ съ сесприцею сѣла за пѣльцы. Мальвина попросила Людимира, (онъ читаетъ удивительно!) чтобы онъ прочиталъ намъ *Людгарду*, оригинальную трагедію, недавно вышедшую въ свѣтъ.

Людомиръ, казалось, читалъ прогашельныя сцены не только глазами, но сердцемъ. — Не понимаю, какимъ образомъ онъ читалъ? Его глаза успре-

млялись болѣе на Мальвину, нежели въ книгу.

Мальвина, о чемъ-то задумавшись и наклонившись надъ пальцами, должно бытъ, эпаго не замѣшила... Я, какъ живу на свѣтѣ, никогда еще не видала шакого взгляда, каковъ взглядъ Людомира, особливо, когда онъ смотритъ на Мальвину.

Признаюсь вамъ, что въ эпомъ самомъ Людомирѣ, (копорый, между прочимъ, очень мнѣ нравился), я замѣчаю нѣкоторые недоспапки. ... Сначала онъ бываетъ задумчивымъ, попомъ угрюмымъ; эпо не хорошо!

Однажды Мальвина, желая покороче узнать его, спросила объ его фамили и о родителѣхъ, гдѣ они живутъ? При сихъ словахъ лице Людомира измѣнилось и глубокая поска опразилась на лицѣ его, когда онъ отвѣчалъ Мальвинѣ:

» знать о судьбѣ такого ничтожнаго творенія, какъ я, никому не любопытно; и такъ, позволивъ мнѣ не отвѣчать на одинъ только эпическій вопросъ.»

Признайтесь, пепушка, что несправедливо такъ мучить наше любопытство, въ особенности же мое. Но я надѣюсь, что вы все простите Людомиру и будете осуждать мое любопытство, когда узнаете, что онъ любимую вами Мальвину испоргнулъ изъ пожара и спасъ, можетъ быть, отъ ужасной смерти. . .

» Что это Ванда болтаетъ о смерти, о спасеніи и какомъ-то Людомирѣ, котораго никто не знаетъ и котораго всѣ любятъ и проч. и проч.» Навѣрно вы такъ скажете, и это будетъ справедливо! Я и сама, прочитавши свое письмо, нахожу, что очень, очень

шрудно поняць то, чпо хопѣла я въ немъ выразиць. Но, милая моя пепушка, прїѣзжайте къ намъ, какъ можно поскорѣе: погда вы обо всемъ узнаете подробно; между тѣмъ со вниманіемъ прочпите письмо вашей Ванды; повѣрьте, чпо она васъ любитъ и почиаетъ.

Р. S. Мнѣ кажется, чпо Мальвина съ нѣкопораго времени нездорова. Не знаю, веселѣе ли, или печальнѣе она сдѣлалась; но, примѣчая въ ней нѣкопору перемѣну, я думаю, чпо это происходитъ опъ разспройспва здоровья; однако она теперь гораздо веселѣе и прелеспиѣе. Это меня успокоиваетъ.

ГЛАВА V.

ТЕТКА.

Тетка нашихъ двухъ сесперъ была очень хорошая женщина. Она, судя по себѣ, ни о комъ не думала худо и никогда ни въ чемъ не находила худого; любила опъ души обѣихъ своихъ племянницъ, особенно Мальвину, въ копорой находила всѣ совершенства и испинное сходство съ романтическими героинями, копорыхъ она болѣе всего превозносила и копорыя

нигдѣ не сущеспвуютъ, какъ только въ книгахъ.

Мальвина не имѣла всѣхъ совершенствъ. Будучи милою и доброю, она соединяла со многими достоинствами и нѣкоторыя недоспапки.

Да будетъ мнѣ позволено изобразить здѣсь мою Мальвину, и да проспятъ мнѣ, что я на нѣкоторое время остановлюсь на семъ предметѣ. Признаюсь въ недоспапкѣ моего образца и пакъ не удивительно, что я нѣсколько замедлю, описывая его.

Мальвина не имѣла сильныхъ чувствъ но у ней было нѣжное сердце и пламенное воображеніе. Это происходило отъ, ея уединеннаго воспитанія. Ея мысли развились поэзіею и романами, представлявшими ей пріятную, но обманчивую спрану очарованія.

Она, имѣя чрезвычайный умъ

и рѣдкое дарованіе легко сообразоваться съ различными вѣками, нравами и характерами, соединяла женскую хитрость, сшоль пріятную въ общежитіи, съ непринужденною веселостію, помощію копорой она всегда знала, что кому сказать, кого какъ слушать дабы никому не нанесъ оскорбленія.

Эта предосторожность напоминаетъ мнѣ сказанное однимъ Нѣмецкимъ писателемъ: » не перзай ничьего сердца, ибо оскорблять такъ легко; не перзай счастливаго сердца, потому что счастье достойно уваженія, ибо оно очень рѣдко; не перзай печальнаго сердца, ибо несчастье, по своей всеобщности, достойно гораздо еще большаго уваженія, «

Мальвина все понимала и обо всемъ судила лучше другихъ. Это придавало ей мыслямъ и сужденіямъ что-то

пріятное. Ея характеръ былъ гибокъ: она легко могла погрузиться въ задумчивость, но при всемъ томъ часпо бывала веселою; удовольствія же имѣли большое вліяніе на ея душу.

Мальвина умѣла счастливо жить въ сельскомъ уединеніи; но городъ, общесво, шумъ большаго свѣта, также не были ей чужды. Имѣя веселый характеръ, она иногда надъ нѣкопорыми насмѣхалась, но вскорѣ опъ эпаго удерживалась, ибо Мальвина превышала всѣхъ своей добропою.

Будучи женщиною, имѣя прелеспи и доспоинспва нашего пола, она не опчуждалась опъ его недоспашковъ; они сосполяли въ легкомысленныхъ поспупкахъ, (копорые всегда управляющся первыми движеніями сердца, а не благоразуміемъ) и въ желаніи нравипись.

Можетъ бытъ, чипапелъ за это проспитъ ее, вспомнивши, что Мальвина существо не идеальное, но истинное. Не должно забывать, что каждый также имеетъ недоспапки!...

Мальвина соединяла въ себѣ всѣ прелести. Она была высокаго роста; имѣла гибкій станъ, черные волосы, какъ вороново крыло, и черные глаза, въ которыхъ отражались всѣ чувства души; часто ихъ взоръ выражалъ что-то Ангельское!... Ея улыбка была прелестна; радость и веселіе одушевляли лице ея. Такова была Мальвина.

Я останусь довольна, ежели найду снисходительныхъ чипапалей, не смотря на недоспапки и несовершенства моего сочиненія. Теперь возвращаюсь къ пещкѣ, неучтиво нами оставленной.

Она, получивши письмо отъ Ванды, поѣхала въ Кршчевинъ.

Тепка, съ обыкновеннымъ своимъ радушіемъ, полюбила Людомира, не охуждая его за то, что онъ скрывалъ свою фамилію.

— » Не надобно докучать ему лишними вопросами, — говорила она своимъ племянницамъ; — довольно съ насъ, когда мы знаемъ, что Мальвина обязана ему своей жизнью, что онъ добръ и милъ въ обхожденіи. Было бы несправедливо изгонять его отсюда, пока онъ не вылечитъ руки своей! «

Мальвина, не желавшая Людомирова отъѣзда и увѣренная совѣтами пепки, почла себя счастливою. Она позабыла, что Людомиръ ей извѣстенъ былъ по одному только имени, и безъ всякаго безпокойства, съ удовольствіемъ

пользовалась его пріятнымъ сообще-
ствомъ.

Людомиръ все оживилъ въ Кршєви-
нѣ. Вмѣстѣ съ нимъ Мальвинѣ каза-
лись пріятными прогулки по цвѣту-
щимъ долинамъ и въ окрестныхъ ро-
щахъ. Никто лучше его не могъ про-
браться сквозь густые кустарники,
чтобы dospaть для Мальвины лилій,
коихъ запахъ она такъ любила; и
Мальвина невольно чувствовала, (хо-
тя она въ эпомъ и не сознавалась),
что Людомиръ, по ея желанію, рѣшил-
ся бы броситься въ поля за лилі-
ями, если бы онѣ тамъ находились.
Никогда голосъ Мальвины пріятнѣе не
раздавался, какъ только слившись съ
голосомъ Людомира, особливо, когда они
пѣли: *Dunque mio bene, tu mia sarai,
si cara spene jo tua sero....*

Мальвина, починая себя счастливою, позабыла, что въ міръ есть печали. Она еще болѣе усовершенствовала свой талантъ, видѣвъ что она нравилася Людомиру, и въ первый разъ испытала вмѣстѣ съ нимъ удовольствіе, доставляемое познаніями.

Она часто разговаривала съ Людомиромъ о томъ, что читала, и они всегда одинаково судили о всѣхъ предметахъ; но если иногда Людомиръ прошиворѣчилъ Мальвинѣ, то она и въ этомъ находила какую-то пріятность.

Мальвина любила слушать Людомира и пріобрѣтала отъ него новыя познанія; онъ первый началъ понимать ея мысли; разгадывалъ ея чувства и не охлаждалъ воображенія. Никто лучше его не могъ проникнуть въ серд-

це, глубоко запаенное и покрытое холодной завѣсою.

Людомиръ, любившій то, что любила Мальвина, былъ пріятель не только ей, но и всѣмъ, жившимъ въ Кршэвинѣ. — Онъ принималъ съ благодарностію совѣты и домашнія лекарства, которыя предлагала ему шепка Мальвины для излеченія руки, хотя во-все ими не пользовался.

Людомиръ часто бѣгалъ съ Вандою по горамъ въ перегонки; а вечеромъ, когда всѣ собирались на перрасъ, рассказывалъ спрашныя приключенія.

Дворовые люди чрезвычайно его уважали, ибо онъ былъ спасителемъ ихъ госпожи. Марпынь имѣлъ къ Людомиру особенную привязанность, и хотя онъ всегда размышлялъ о чемънибудь другомъ, однако часто со вниманіемъ прислушивался къ его

длиннымъ разсказамъ, опъ копорыхъ убѣгалъ весь домъ.

Не должно удивляться, чпо всѣ переспали упоминавъ о больной рукѣ Людомира, давно уже вылеченной. Время лепѣло съ такой пріятностію, чпо никто въ Кршєвинѣ, по прошествіи чепырехъ мѣсяцевъ, и не подумалъ объ опѣздѣ Людомира.

Чипапелъ узналъ уже всѣ произшествія; — чпо онъ пеперь думаетъ?.. Людомиръ ли влюбился въ Мальвину или Мальвина влюблена въ Людомира?... Я не могу опвѣчать на это. — Мальвина тогда и сама не знала, или не хотѣла знать, чпо дѣлалось въ ея сердцѣ...

Не станемъ спѣшить опкрыпіемъ эпой тайны: можетъ быть, Мальвина сама скоро намъ опкроетъ ее....

ГЛАВА VI.

ДЕНЬ ИМЯНИНЪ.

Какое счастье быть любимымъ; но я думаю, что любить есть уже счастье; можетъ быть, первое превышаетъ другое.

Кто сильно любитъ, того мечты и душа исполнены одной только любовью. Нѣтъ ни одной безрадостной минуты; каждый день занимаетъ насъ одинъ только предметъ; одна мысль, чтобы осчастливливать и услаждать

судьбу любимого нами существа, не только въ пуспыхъ, но и въ важныхъ случаяхъ.

Эти ежедневныя заботы и пріятности для сердца поже, чшо цвѣты въ природѣ: они очаровываютъ и разцвѣчиваютъ жизнь, подобно цвѣтамъ, украшающимъ долины. Если пріятно получаешь ихъ отъ любимого существа, то пріятнѣе въ тысячу разъ слегка бросаешь ихъ на милый предметъ любви своей.

Такъ почто думали въ Крещевинѣ и спарались доставить удовольствіе тѣмъ, копорыхъ они любили.

Наступалъ день именинъ Мальвины; и Ванда съ Людомиромъ согласились, чшобы обрадовать ее какимъ нибудь неожиданнымъ увеселеніемъ.

Напрошивъ дома виднѣлся зеленый островъ, опѣненный деревьями. Маль-

вина вечеромъ, отворивши окно, примѣтила вблизи прекрасную шлюбку съ мачшою и бѣлымъ парусомъ. вмѣсто веревокъ висѣли на ней гирлянды изъ васильковъ и колебались отъ легкаго вѣтерка. — На гребцахъ надѣто было одинакое плащье и шляпы съ разноцвѣтными лентами. — Они пригласили Мальвину сѣсть въ шлюбку и въ одно мгновеніе перевезли ее на островъ.

Идя нѣсколько времени по дорожкѣ, между орѣшникомъ, она услышала звуки музыки, копорые постепенно завлекая ее, привели наконецъ на зеленую долину, окруженную прекрасными деревьями, подъ копорыми толпился народъ.

Кромѣ жетелей Кршевина приглашено было все сосѣдство. Напропивъ

Мальвины, въ чащѣ деревь, украшалось прекрасными кустарниками одно мѣсто, гдѣ посреди свѣжей зелени, на каменномъ подножіи, спояла Ванда и представляла богиню *Дружбы*. Ее покрывала легкая бѣлая одежда, голова украшалась вѣнкомъ изъ плюща; въ рукѣ держала она букетъ цвѣтовъ. Алина, сидя подъ розовымъ кустомъ, представляла *Любовь*, и съ плутовскимъ личикомъ искусно играла роль свою. Локоны, развѣвавшіеся ея волосъ обхвачивались перевязкою; за спиною виселъ золопой колчанъ, наполненный стрѣлами; Алина, или лучше сказать *Любовь*, съ улыбкою взирая на *Дружбу*, держала другой конецъ гирлянды. Красная шаль, разоспленная между двумя дубами, служила основаніемъ эшаго восхищительнаго зрѣлища; а *Время*, съ косою въ рукахъ, въ

видѣ сѣдаго спарца, улепая, разсыпало цвѣпы. На камнѣ были вырѣзаны слѣдующія слова:

Эти благоуханные цвѣты сплели Любовь и Дружба, собирая дань вѣрныхъ сердецъ. Пускай время улета, усыпаетъ цвѣтами путь жизни прекрасной Мальвины!

Нельзя изобразить радости и признательности Мальвины. Госпи, друзья, слуги и всѣ, окружавшіе ее, поздравляли и желали ей всякаго счастья; ибо добрая Мальвина всѣми была любима.

Она съ признательностію всѣхъ благодарила, а любимую сестру свою обняла съ нѣжнымъ чувствомъ.

Ванда, привыкшая подавать совѣпы сказала на ухо Мальвинѣ: »сестрица! пы еще кому-то одолжена своей бла-

годарностію. Хопя я желала какъ можно лучше оппраздновать швой именины; но ничего не могла придумать хорошаго; ни одна мысль не пришла мнѣ въ голову. Все это успроилъ Людомиръ: онъ пригоповилъ шлюбку; выбралъ эпошъ островъ, и поупру самъ украсилъ его; однимъ словомъ, я безъ него не знала бы, чпо дѣлать. Я только пригласила госпей и приказала пригоповить ужинъ.»

При этихъ словахъ Мальвина начала искашь Людомира, спрятавшагося между кустарниками. Нашедши его, она не скоро собралась съ духомъ сказать слѣдующія слова: » какъ эпо прекрасно! «

Наконецъ госпи сѣли за ужинъ, продолжавшійся довольно долгое время, такъ, чпо должно было возвращаться въ Крещевинъ въ самыя сумерки. —

Пригопвлено было нѣсколько шлюбокъ, гораздо красивѣе первой и освѣщенныхъ цвѣтными Кипайскими фонарями.

Всѣ госпи сѣли въ шлюбки и при звукахъ музыки съ веселіемъ переплыли рѣку.

Когда всѣ подходили къ шлюбкамъ, то Людомиръ подалъ Мальвинѣ свою руку. Послѣ долгаго молчанія, не обращаясь къ Людомиру, она наконецъ рѣшилась сказать ему: «я желаю, чпо-^{бы} эта долина, сего дня такъ прекрасно убранная, называлась теперь Людомировой долиною...»

— » О! пускай иногда припомнишь она бѣднаго Людомира! ... » Ошвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

Въ это время они подходили къ шлюбкѣ, и Мальвина невольно схва-

шила Людомира за руку, какъ бы опасаясь, что онъ хочеть оспавить ее.

Это, можетъ быть, происходило отъ предоспорожности, чпобы не упасъ въ воду. По крайней мѣрѣ, я думаю пакъ.

По прїѣздѣ, дамы пошли на время въ комнапы, чпобы поправишь свои наряды. Когда же онъ возврапились, то начался балъ и продолжался до поздней ночи.

Не знаю, не отъ волненія ли различныхъ чувспвъ, Мальвина была весела? . . . Въ слѣдующей главѣ мы узнаемъ, долго ли спала она послѣ бала?

ГЛАВА VII.

ПРИЗНАНІЕ.

Какъ былъ пріятенъ Мальвинъ день ея именинъ! Тотъ день, въ копорый она узнала, что Людомиръ занялъ ею! . . . Но увы! этотъ день прошелъ! Счастливые дни всегда быстро исчезають! . . .

Когда Мальвина вечеромъ пошла въ свою комнату, то въ ея ушахъ, а болѣе всего въ сердцѣ, безпрестанно раздавались слова, произнесенныя Лю-

домиромъ съ печальнымъ вздохомъ: «пускай эша долина припомнишь иногда бѣднаго Людомира!»

Прежде она безъ всякой горести наслаждалась удовольствіемъ, производившимъ опъ присущствія Людомира, а теперь нѣсколько словъ пробудили ее опъ сладостнаго очарованія. Вдругъ упала завѣса неизвѣстности, закрывавшая передъ ея очами будущность и собственное ея сердце. Мальвина впервые подумала, что Людомиръ можетъ оставить ее; впервые почувствовала, что въ немъ заключается опрада ея жизни.

Она съ горестію замѣчала, что память о немъ глубоко врѣзалась въ ея сердце; съ горестію подумала о томъ, что Людомиръ, милый ея сердцу, необходимый для ея жизни и—наконецъ надобно сказать — любимый ею, былъ

ей совершенно незнакомъ; тайноспвенность же его могла скрывать подъ собою пороки и несчастія! . . .

Хотя Людомиръ и показывалъ, что онъ ею занятъ, но никогда еще не говорилъ онъ о любви своей ни одного слова, и никогда не спарался оспаться съ нею наединѣ.

Мальвина, размышляя объ этомъ, и состояніе сердца своего, такъ сказать, разкрывая передъ холоднымъ разсудкомъ, почувствовала въ душѣ своей печали и безпокойства, никогда ею неиспытанныя; и такъ не удивительно, что Мальвина не смыкала своихъ глазъ, когда начинало уже разсвѣпать.

Не могли заснуть и опечаленная грустными мыслями, она встала, надѣвши на себя легкое платье, чтобы выйдши изъ комнаты и освѣжиться прохладнымъ воздухомъ ухра.

Не выйдя еще, она упала на колѣна и съ прогипельнымъ чувствомъ сказала: « о, милосердый Боже, дозволяющій называть себя Опцемъ, не оставь меня! Совершенно предавшись Твоей Волѣ, я приму опъ себя всѣ несчастія , которыя Ты пошлешь мнѣ въ будущеости; но избавь меня опъ продолжительныхъ бѣдствій! ...»

Мальвина, проговоривши эту крапкую молитву, успокоилась. Она разпорила окны и, желая чѣмъ нибудь себя разсѣять, взяла гитару и вышла на перрасу.

Прелестное утро предвѣщало прекрасный день. На листьяхъ деревъ и на цвѣтахъ блиспали капли росы; воздухъ наполненъ былъ благоуханіемъ померанцевъ , смѣшаннымъ съ легкимъ мирповымъ запахомъ. Жаво-

ронки, лепавшіе въ поднебесьи, радосно привѣспівовали денницу; пчелы жужжали вокругъ цвѣповъ; рыбки плескались въ водѣ. Вдали слышнѣлись веселыя пѣсни земледѣльцевъ и мычаніе спадъ, выходившихъ на пасбище; какъ будто вся природа пробуждалась, чпобы испытать новое наслажденіе. — Но эта всеобщая радость не развеселила Мальвину, а еще болѣе увеличила горестъ ея сердца.

Никогда скрипная поска не бываетъ такъ сильно оцупипельна, какъ посреди счастія, или въ кругу удовольспвій и радоспей.

Мальвина, смопря на прекрасную окреспность, въ задумчивоспи облокопилаь на большое померанцевое дерево, коего цвѣпы совершенно уже рапустились. Въ это время повѣялъ

легкой вѣперокъ, и цвѣты, бѣлые, какъ снѣгъ, осыпали Мальвину.

— Увы! эпи цвѣты,—подумала она,— скорѣ всѣхъ распускающся и скорѣ всѣхъ опадающъ! Вскорѣ свалялся лиспья и наспушишъ осень. Какъ быспро миновало нынѣшнее лѣпо! «

Мальвина, сошедши съ террасы, пошла на валъ, проспиравшійся по прибрежью рѣки, украшавшій садъ и берегавшій его отъ наводненія. На концѣ вала, подъ развѣсиспымъ кашпаномъ, спояла скамейка. Отсюда виднѣлись рѣка, островъ и прелеспныя окреспности. Здѣсь сѣла Мальвина и, снявши съ головы своей бѣлую вуаль, ее покрывавшую, небрежно взяла гишару и пихимъ голосомъ запѣла слѣдующую пѣсню, соглашавшуюся съ ея чувспвами:

Быть любимой взаимно;
Душу вѣрную найдти;—
Не ужели симъ желаньемъ
Оскорбятся небеса? . .

*

Счастья тайныя мечтанья;
Упоеніе сердець;
Сладость чувствъ, очарованье!
Не свершится вамъ во вѣкъ! . . .

*

Неудивительно, что влюбленные,
по особенному какому-то предчувствію,
всегда находясь тамъ, гдѣ могутъ
увидѣть предметъ любви своей: извѣ-
стно, что люди, одинаково мыслящіе,
согласны въ своихъ предпріятіяхъ.

Людомиръ, занявшій Мальвиною,
также, какъ она имъ, вспалъ на раз-
свѣтъ и пошелъ въ садъ, чтобы сво-
бодно о ней помечтать.

Услышавши голосъ Мальвины, онъ приблизился къ ней, не замѣченный ею; когда же она переспала пѣшь, то Людомиръ, въ восхищеніи пришедши внѣ себя, упалъ къ ногамъ Мальвины и ничего болѣе не могъ сказать, кромѣ слѣдующихъ словъ: »я испугалъ васъ, Мальвина! Простите мнѣ. . . . Я такъ несчастливъ! . . . «

Испуганная и смѣшавшаяся Мальвина онѣмѣла; сердце ея мятежилось споль пропивуположными чувсвами, что она и сама не знала, что опвѣчала Людомиру; но, устремивши на него свои взоры, она примѣпила на лицѣ его выраженіе поски и спраданія. Слабый гнѣвъ, внезапно возникнувшій въ ея сердцѣ, исчезъ совершенно, и въ немъ оспалось одно только прогательное соспраданіе.

Вмѣсто гнѣвныхъ упрековъ, она сказала ему: » о! будьте счастливы!... Меня бы ужаснуло ваше бѣдспвіе!... Я бы не перенесла его!... «

Мальвина, проговоривши эти слова, покраснѣла, смутилась, закрыла лицо вуалью и заплакала.

— » Божеспвенная Мальвина!... Ангелъ доброты!... — Сказалъ Людомиръ, — не плачьте!... Не плачьте!... Я готовъ послѣдней каплею крови своей выкупить каждую слезу, вами пролитую!... «

Голоса приближавшихся людей прервали этотъ разговоръ. Мальвина поспѣшно вспала; Людомиръ, удерживая ее, сказалъ: »Мальвина, заклиная васъ всѣмъ, что есть священнаго, заклиная васъ, не разлучайтесь со мною, не оспавайте меня съ той ужасною мыслию, что я оскорбилъ васъ!... Не

разлучайтесь со мною, по крайней мѣрѣ изъ состраданія; ибо вы никогда не поймете, что значить осмѣлились любить васъ и быть вами любимымъ, никогда не имѣя на это надежды? ...

Въ эту минуту Мальвина почувствовала, какъ она сильно любила Людомира! ... Уста ея промолвили слово: *неблагодарный!*

Услышавши шаги подходящихъ людей, она поропливо побѣжала, забывши взять съ собою вуаль, омоченную слезами.

— » *Неблагодарный!* «— Повторилъ Людомиръ съ непонятнымъ чувствомъ. Потомъ взявши вуаль Мальвины, прижалъ ее къ своему сердцу и сказалъ: развѣ съ одной только жизнью я потеряю себя! ... «

ГЛАВА VIII.

ДРУГОЕ ПИСЬМО ЛЮДОМИРА КЪ ТЕЛИ- МЕНЬ.

16 Августа. Кршєвинь.

Милая моя машушка! Проспише, что
я не въ состояніи исполнить вашей
воли: — продолжая свое путешествіе.
Нѣтъ Не могу остановиться въ Кршєви-
нѣ, и цѣлый міръ не имѣетъ уже ни-
какой пріятности для Людомира! Я
хочу прѣхать къ вамъ и заключить-
ся навѣки въ нашихъ глухихъ лѣсахъ;
опречься опъ любви.... опъ счастья....
опъ Мальвины. . . . Опъ Мальвины! . .

О, небо!... Въ какую мину? ... Когда же я разлучусь съ нею? ... Тогда, какъ впервые я увидѣлъ лучъ счастія, невыразимаго счастія, котораго, можетъ быть, не перенесло бы сердце Людомира, привыкшее къ спраданіямъ! ... Меня удерживаютъ еще въ Кршэвинѣ пріятныя и драгоцѣнныя узы; но приличіе пребудетъ, чѣмъ бы я уѣхалъ! ... Я ѣду завтра! ...

Зачѣмъ вы меня избавили отъ мученій дѣшпва? ... Если бы не вы, то я, изъ колыбели всплывши въ хладную могилу, не узналъ бы ни печалей, ни спраданій! ... Не узналъ бы пламенныхъ чувствъ, чрезъ копорыя я теперь погибаю, и копорыми живу! ...

Не могу далѣе писать! ... Можетъ быть, спустя мину, я успокоюсь и въ соспоянніи буду окончить это

письмо; а теперь я не въ силахъ написать и одного слова! . . .

Того же числа въ 12 ч. ночи.

Все уже для меня кончилось! . . . Въ послѣдній разъ я увидѣлъ Мальвину . . . и никогда уже не увижу ее! . . . Не услышу ея голоса. Это счастье, эти надежды навѣки погасли въ сердцѣ Людомира! . . . Простите мнѣ, мапушка! . . . Простите! . . . Я мучаю вашу чувствительность своими ропканіями, не объяснивши вамъ ихъ причины.

Только вамъ я могу открытъ свое оправданіе! И такъ, прочтите описание моихъ чувствъ, ощущаемыхъ мною со времени моего пріѣзда.

Изъ прежнихъ писемъ, мною къ вамъ посланныхъ, вы, я думаю, замѣтили, что я, увидѣвши въ первый разъ Мальвину, влюбился въ нее. Попомъ

меня еще болѣе привлекли къ ней веселость ея души, красота и дарованія. Каждый день, каждый часъ они дѣлали ее драгоцѣннѣе для моего сердца. Ея прелестный образъ невольно вѣсѣнился въ мою душу, и пакъ свободно, чпо я и самъ не примѣпилъ, какъ она сильно овладѣла мною!...

Безъ размышленій, забывши ненавистный предѣлъ, раздѣляющій меня отъ Мальвины; я у ногъ ея признался въ несчастной любви своей!... Въ одномъ словѣ, ею произнесенномъ, я замѣпилъ, я почувствовалъ, чпо Мальвина, божественная Мальвина, могла бы принадлежать мнѣ!... Казалось, чпо въ эту минуту раскрылись передо мною небеса!... Я ничего не видалъ, ни о чемъ не думалъ и ничего не чувствовалъ, кромѣ того, чпо я люблю ее болѣе жизни, болѣе самого себя, болѣе

всѣхъ и болѣе всего!... Увы, минута
эшаго не сравненнаго счастія была
сполько же измѣнчива, сколько восхи-
пительна!... Приличіе побудило меня
её оставишь...

Пока я былъ безпристрастенъ къ
Мальвинѣ, до тѣхъ поръ могъ еще
остаться въ Кршєвинѣ; ибо я забо-
пился не объ ней, но сполько о сво-
емъ спокойствіи и счастіи.... Когда
же я нынѣе упрямъ узналъ тайну
эшаго Ангельскаго сердца.... Такъ! ни-
когда, никогда Мальвина не можешь
быть моею!... Никогда знающая и бо-
гадая Мальвина не соединишь судьбы
своей съ судьбою несчастнаго Людо-
мира, неимѣющаго ни соспоянія, ни
имени!...

Упрямъ, когда Мальвина еще бу-
дешь спать, я оставлю Кршєвинѣ.

О! если бы, хотя одинъ разъ я увидѣлъ ее, мнѣ бы уже ничего не нужно было похищать у нея!...

Нынче вечеромъ я еще видѣлъ ее, слышалъ ея голосъ, такъ очаровашельный для моего сердца! Я смопрѣлъ вмѣстѣ съ нею на заходящее солнце.... Увы! въ послѣдній разъ передъ моими глазами оно оставляло эту прелестную страну!.... Въ послѣдній разъ я смопрѣлъ съ Мальвиною на мѣсяцъ! На небесномъ сводѣ искрились миллионы звѣздъ.... Я сидѣлъ вмѣстѣ съ нею и съ Вандою на открытомъ мѣстѣ, гдѣ ничто не препятствовало видѣть намъ небеса!...

— » Никогда, — сказала она, — мое сердце такъ не наполняеся величіемъ Бога, какъ во время тихой и прекрасной ночи, освѣщенной мерцаніемъ

звѣздъ и сіяніемъ мѣсяца. Меня занимають теперь воспоминанія объ умершихъ и мысли о будущей жизни!...

Людомиръ, повспрѣчаемся ли мы *тамъ*?

— » Мальвина! — сказалъ я сквозь слезы, — Мальвина, мы еще *тамъ* вспрѣ-
пимся!... Здѣсь.... Ахъ! мы здѣсь живемъ еще...»

Я ничего не могъ болѣе сказать....
Ахъ, мапушка! Для чего она меня спросила объ этомъ въ то время, когда мысль о вѣчной разлукѣ наполняла мое сердце?...

Мальвина вспала; я держалъ еще ее за руку.

— » Пойдемте, — сказала она, — ужь поздно; мы упрямъ увидимся!...

— » Ахъ! увидѣмся, — вскричалъ я, — увидимся въ другомъ мѣспѣ!...

Она пошла... Я споялъ, какъ вкопанный,

и долго слѣдилъ ее своими взорами....
Попомъ, упавши на землю, я запла-
калъ.... Побѣжалъ къ шеррасъ.... Передо
мною мелькнула ея бѣлая одежда, раз-
вѣвавшаяся въпрямъ! Я просперъкъ ней
руки.... Увы! она исчезла навсегда!...

ГЛАВА IX.

ОТЪЗДЪ.

Поутру, только что проснувшись, Мальвина получила письмо.

Она была встревожена какимъ-то смутнымъ предчувствіемъ и, не спрашивая опъ кого прислано письмо, розорвала дрожащей рукою конвертъ. Легко можно понять, съ какимъ чувствомъ она прочла слѣдующее:

ПИСЬМО ЛЕОДОМИРА КЪ МАЛЬВИНѢ.

» Мальвина! я люблю тебя, люблю
шакъ, какъ никто еще не любилъ тебя
и не будетъ любить!... Ты моя жи-
знь, мое счастье, и для тебя готовъ
я опказаться и опъ жизни и опъ
счастья!... Мальвина! Въ одну бысп-
рую минуту я увидѣлъ небо!... Одно
пвое слово, одинъ пвой взглядъ про-
извели эпо!... И сердце мое обьялось
чувствами восхищительнаго упоенія!...
Но, увы! пробужденный опъ очаро-
вательнаго самозабвѣнья, низвергнутый
съ высоты счастья, я вижу теперь
передъ собою всю будущность, какъ
ужасную пустыню, и нахожу въ сер-
дцѣ своемъ только опчаяніе и смерть!...
Нѣтъ! Мальвина не можетъ и не дол-
жна быть моею!...«

» Повѣрь, Мальвина, повѣрь, эпо шакъ

же справедливо, какъ справедлива любовь моя!... Безпорочный, но несчастный Людомиръ недоспоенъ тебя; порочный Людомиръ не могъ бы, не умѣлъ бы любить божественной Мальвины; а несчастный Людомиръ недоспоенъ тобою быть любимымъ!...»

»Можешь быть, ты скажешь: онъ и не долженъ признаваться въ любви своей. . . . Я съ этимъ согласенъ. Я скрывалъ любовь свою! . . . Ты не поймешь, съ какимъ ужаснымъ мученіемъ я тайлъ ее, сколько было возможно. Но, Мальвина! если мое признаніе въ любви есть пресупленіе, то вспомни и о наказаніи. . . . Я оставляю тебя; оставляю навѣки! . . .»

»Мальвина, идеаль доброты въ этомъ мірѣ! Мальвина! умоляю тебя объ одной, послѣдней милости! Повѣрь, что тайна, меня скрывающая, не за-

ключаешъ въ себѣ ни одного преспу-
пленія! . . . Не взирая ни на какія об-
стоятельствва, не спарайся никогда
поднимаю завѣсу судьбы моей. . . . Ко-
гда я былъ вмѣстѣ съ тобою, то
ты меня спрашивала объ этой тайнѣ,
и я тебѣ не открылъ ее, потому
что она не принесла бы тебѣ, ни-
какой пользы; но умножила бы мое
несчастіе. Еще разъ умоляю тебя, не
напоминай даже и о томъ, что мы
съ тобою видѣлись! «

»Вотъ послѣднія слова, которыя
когда либо опять меня ты услышишь.
Прости, Мальвина! Да не оставишь
тебя Провидѣніе! Наслаждайся счасті-
емъ; а я, умирая, скажу: никогда пакъ
не любилъ тебя и вѣки не буду
любить, подобно несчастному Людо-
миру! . . . Прости! Въ послѣдній разъ
привѣтствую тебя въ этомъ мірѣ,

первое и послѣднее счастіе моей жизни!« . . .

Мальвина прочитавши это письмо, была распротана. Въ ея душу проникла печаль, изумленіе и какой-то ужасъ. Любовь Людомира, неожиданный опѣздъ его, въ то время, когда свободно могъ овладѣть онъ ея сердцемъ; воспоминаніе, что онъ спасъ ея жизнь; опвращеніе опъ пайны, его скрывавшей и все возмущало изнеможенный духъ ея. Но она вскорѣ переспала думашъ объ опѣздѣ Людомира.

Не смопря на слезы, упадавшія изъ ея очей на письмо Людомира, она еще разъ прочитала его прогашельныя выраженія: *никто такъ не любилъ тебя и вовтъки не будетъ любить, подобно несчастому Людомиру! . . .*

Избыпокъ слезъ не позволялъ ей продолжашъ чпенія.

— » Всѣ предчувствія моего сердца, — подумала она, — увѣряють меня въ истинѣ этихъ словъ! О, Людомиръ! я обязана тебѣ своей жизнью!... Нѣтъ! еще болѣе, чѣмъ жизнью; ибо ты доказалъ мнѣ свою пламенную и благородную любовь, имѣющую въ предметѣ только мое счастье!... Чтò же могу я сдѣлать за такое пожертвованіе?.. Одну лишь жертву, превышающую всѣ жертвы: она соспоитъ въ томъ чтобы не разгадывать судьбу твою безъ выявленія копорой не можетъ для меня существовать никакое счастье!... Ты желаешь этого?... О, Людомиръ! клянусь побою и истинной любовью, что я, въ какомъ бы то случаѣ ни было, никогда не стану стараться разгадывать твою тайну, хотя бы ты и самъ желалъ этого!..«

Горестное сердце Мальвины успо-

коилось эпой кляпивою, копорая казалась ей послѣднимъ звѣномъ цѣпи, соединявшей ее съ Людомиромъ.

Она уптѣшалась мыслию, чпо дѣлаеть жерпву, ему угодную, и не предугадывала, сколь прудно ей будеть совершитъ эту жерпву!...

Мальвина немного успокоившись, начала думать о томъ, чпо должно ей дѣлать? — Она чувствовала, чпо часпо разговаривать о Людомирѣ, высказывать внутреннюю свою горестъ и раздѣлять ее съ другими — оставалось единственнымъ средствомъ питать чувства и мысли, копорыя разсудокъ обрекалъ на забвеніе.

Эпо раздумье сполько вліяло на душу Мальвины, чпо она рѣшилась не думать болѣе о письмѣ Людомира, побужденная къ этому не разсудкомъ,

но любовію, копорая внушила ея сердцу какую-шо зависть и желаніе, чшо-бы никто кромѣ ея не зналъ его чувствъ, не спрадалъ бы опъ его спраданій и не посковалъ бы объ его опъвздѣ.

Мальвина опасалась слышать безпреспанные рассказы о таинспвенномъ поведеніи Людомира, копорые для нея были несносны; они бросали какую-шо тѣнь на его поступки; а Мальвина боялась и тѣни во всемъ, чшо касалось до Людомира

Эти опасенія заспавили Мальвину скрывать печаль и внутреннія чувства своей души.

Принявши на себя обыкновенный видъ, она пошла въ залъ, гдѣ ожидали ее пешка и сеспра, сидѣвшія уже за завщракомъ.

ГЛАВА X.

Несправедливо судяшъ шѣ , копорые думающъ, что въ первыя минуны какой нибудь поперѣ гораздо живѣе можно ее чувспвовать. Въ то время всѣ бывающъ однимъ шолько эшимъ заняшы и обезпокоены. Тотъ, о комъ мы сажалѣемъ, не бываетъ еще совершенно для насъ забытымъ и чуждымъ. Сердце , не прывыкшее шосковать о поперѣ, не бываетъ увѣрено, что скорбь его

напрасна; а ужасная разлука кажется для него минушною. Но если въ продолженіи нѣкотораго времени не возвращается поэтъ, кого мы любимъ, кто для насъ необходимъ; — тогда совершается наше несчастье и мы произносимъ безпрестанно съ глубокимъ вздохомъ: увѣ: онъ потерялъ для насъ навѣки!...

Въ первыя минушны, по отъѣздѣ Людомира, Мальвина довольно имѣла возможности скрыть внутреннее волненіе и даже слушать разговоры шепки и сеспры.

— »Спранно,—говорила однажды шепка, — что Людомиръ, не открывши, кто онъ таковъ, такъ внезапно уѣхалъ. Такого поступка я не встрѣчала еще ни въ одномъ романѣ; однако жъ не могу забыть, что Мальвина обязана

ему своей жизнью. Трудно повѣришь, чѣмъбы Людомиръ, коего обхожденіе всегда опличалось благородствомъ, былъ такимъ *примлецемъ!* »

Послѣднее слово весьма пронуло Мальвину.

— » Ежели онъ въ самомъ дѣлѣ шаковъ, — сказала она, — то мнѣ должно получишь упрекъ за мое неблагоразуміе, что я приняла его въ свой домъ. Но если онъ не шаковъ, то было бы несправедливо, вмѣсто благодарности за всѣ его попеченія во время пожара и за спасеніе моей жизни, оплачивать ему такимъ жестокимъ выговоромъ! Не имѣя возможности съ достоверностію судить объ его поступкахъ, мнѣ кажется, что гораздо лучше сдѣлаемъ, если перестанемъ говорить объ немъ.»

Эти слова заставили пешку замол-

часть. Пошомъ, по желанію Мальвины, въ Кршєвинѣ не упоминали о Людомирѣ; а наконецъ и совсѣмъ объ немъ позабыли.

Мальвина, повидимому, желала эпаго, но вышло прошивное: горесць ея еще болѣе увеличилась; ее ничто уже не радовало и не занимало. Угрюмая осень послѣ такого прекраснаго лѣта, одѣвая сумрачнымъ покровомъ природу, умножила еще болѣе ея задумчивость. Чрезъ нѣсколько времени ея здоровье опъ гореспнаго соспоянія души спало распроивацься. Сонъ совершенно ее оспавилъ; лице сдѣлалось блѣднымъ. Эпо вспревожило жипелей Кршєвина.

Добрая пешка, обезпокоенная болѣе всѣхъ, зная, что спаранія искусныхъ медиковъ сполицы вскорѣ могутъ пособить Мальвинѣ, разсудила, что ей

ненужно зимовать въ Кршєвинѣ, а должно отправишься въ Варшаву для поправленія своего здоровья. Ничпо не мѣшало этому предпріятію, ибо Мальвина была уже не въ праурѣ.

Тепка охотно бы согласилась сопутствовать ей; но не почиая нужнымъ ввести молодую Ванду въ большой свѣтъ, она не могла ее отпустить.

Ванда яснѣе тепки понимала причину печали и разслабленія сестры своей. Она уговаривала ее ѣхать въ Варшаву, надѣясь, что Мальвина тамъ выздоровѣетъ, если не отъ пособія медиковъ, то отъ невольнаго развлечения.

Мальвина, встревоженная смутнымъ предчувствіемъ, долго не соглашалась

на это предпріятіе; наконецъ, примѣшивъ, что черезъ это она увеличивала печаль нѣжно ее любящихъ, и не находя для себя ничего пріятнаго по отъѣздѣ Людомира, на все охотно согласилась.

Сеспра ея и пешка, опасаясь, чтобы она не перемѣнила своего намѣренія, въ нѣсколько дней пригопловили все нужное къ отъѣзду.

Мальвина, въ Ноябрь мѣсяцъ, въ ясный морозный день, залившись слезами, проспившись со всѣми и съ любимымъ Кршѣвиномъ, сѣла въ карету и съ горестію поѣхала въ Варшаву

— » Пиши ко мнѣ чаще и опккровеннѣе! — Сказала Ванда, прощаясь съ Мальвиною, — повѣрь, хотя я кажусь малодушною, однако мое сердце шебя

понимаеѣтъ. Вáнда всегда будеѣтъ въ
соспоянїи дѣлиѣтъ съ пободою пвои го-
рести и уѣѣшаѣтся пвоимъ счаспї-
емъ! «

ГЛАВА XI.

ВАРШАВА.

ПИСЬМО МАЛЬВИНЫ КЪ ВАНДѢ.

5 Декабря. Варшава.

Милая моя Ванда! Я общала часпо писапь къ шебѣ и увѣдомляпь обо всемъ, чпо со мною приключипся. Исполняпь эпо я почипаю для себя пріямной обязанносіію. Вопѣ начало. Мнѣ очень гореспно бѣло съ побою распапсья. Ты легко повѣришь эпому. Никогда Варшава, со всѣми сво-

ими пріятносціями, не замѣнишь мнѣ моею милою Ванды, мною такъ любимой;—но ты это давно уже знаешь, и такъ я начну съ чегонибудь новаго.

Два дня моего путешествія были однообразны и скучны; на снѣгъ я насмотрѣлась вдоволь; ты знаешь, какъ я не люблю снѣгу!

Вчера, при однообразномъ спукѣ экипажа, я погрузилась въ пріятныя думы, копорыхъ не прерывала дремавшая Франковская, сидя подлѣ меня. Я вспомнила льшо, такъ пріятно нами проведенное. Почти каждый день, самыя моловажныя приключенія, слова, благоуханіе воздуха и все, казалось мнѣ, я снова вижу и снова чувствую наяву.

Углубленная въ этихъ думахъ, я не примѣчала, что день уже вечерѣлъ. Вдругъ поспильонъ зашрубилъ и нару-

шилъ мои восхипипельныя мечпанія,
а Франковскую пробудилъ опть сладос-
снаго сна.

— » Вошъ и Варшава! — закричалъ
онъ, — Уже виднѣющся огни; мы
подъѣзжаемъ къ заспавъ!»

— *Варшава!* — Повторила я не-
вольно, и сердце мое забилося, не знаю
только, опть чего? ... Въ эту мину
я бы дорого заплапила за то, чшобы
мнѣ находилъсь въ Кршѣвинѣ: меня
объялъ какой-то ужасъ; а между шѣмъ
экипажъ подвигался далѣе и вскорѣ,
въ первый разъ въ жизни, я въѣхала
въ обширный городъ.

Сколько шамъ спѣнь! — Мнѣ даже
сдѣлалось душно. Какой крикъ! Пос-
шилъонъ сказалъ мнѣ, что въ это
время обыкновенно разъѣзжающся изъ
театра.

Я встрѣчала множество каретъ и толпы народа. Каждый, казалось, спѣшилъ идти за какимъ нибудь дѣломъ. Модная карета остановила мой экипажъ и я, при свѣтѣ фонаря, замѣтила въ ней прелестную даму, на лицѣ которой изображалось нетерпѣніе, чтобы скорѣе доѣхать, и надежда на удовольствіе, ее ожидавшія.

Мнѣ сдѣлалось грустно. Я ѣхала безъ всякаго намѣренія; меня никто не ждалъ и я ни къ кому не спѣшила.

Наконецъ мы остановились въ гостиницѣ. Мнѣ нужно было одно только спокойствіе.

Слѣдующій день я провела съ купцами, торговками и п. п.

Не имѣя теперь въ Варшавѣ родныхъ, я написала письмо къ Княгинѣ В., въ которомъ просила ее, чтобы она удостоила меня бытъ моей руко-

водипельницею въ обществѣ. Н. В. это Княгиня была въ дружбѣ съ моею мапушкою и знала меня еще до моего замужества.

Она съ учтивостію отвѣчала мнѣ на мое письмо. На другой день, въ шестомъ часу вечера, я къ ней заѣду и вмѣстѣ съ нею сдѣлаю первые визиты.

Милая моя Ванда! До сихъ поръ досада и беспокойство были моими единственными чувствами въ Варшавѣ.

Правда, что уличный шумъ, крики торговковъ купцовъ и печальная мысль о завтрашнемъ моемъ вселеніи въ большой свѣтъ, занимающъ меня каждую минуту.

Нынѣшнюю ночь оплодотворю почта. Оканчиваю письмо свое, искренно при-

жимая себя къ сердцу. Обними Алину и поцѣлуй тысячу разъ ручки милой нашей пеплушки!

ДРУГОЕ ПИСЬМО МАЛЬВИНЫ КЪ ВАНДѢ.

15 Декабря. Варшава.

Уже не сельская жишельница изъ Глазова и Кршэвина пишеть къ себѣ; но *щеголиха*, посвященная во всѣ пышности большаго свѣта!...

И такъ, съ особеннымъ вниманіемъ прочти описаніе моихъ приключеній.

Я хопѣла - было такимъ образомъ вести свой дневникъ, но думаю, что шупки уже мнѣ не къ лицу; посему просто буду продолжашь рассказъ свой.

На другой день, написавши къ себѣ письмо, я нарядилась, какъ можно лучше и поѣхала къ Княгинѣ В., которая приняла меня очень ласково.

Она съ чувспвомъ вспомнила о моей мапушкѣ и спросила о тебѣ съ большимъ учаспіемъ. Посему пы можешь судить, пріятною ли она показалась мнѣ? ... Княгиня В. уже немолода; на лицѣ ея изображается веселость, соединенная съ важностію. — Ее здѣсь всѣ любятъ и почиаютъ, и чѣмъ чаще я ее вижу, тѣмъ болѣе это замѣчаю.

Мы сдѣлали спо визитовъ и были приняты только въ нѣсколькихъ домахъ, о копорыхъ не могу сказать ничего рѣшишельнаго; ибо изъ множества именъ ни одного не припомню.

Послѣ нѣсколькихъ визитовъ, мы наконецъ подѣхали къ огромному дому Военнаго Министра. Примѣтивъ жножесво каретъ, споявшихъ на дворѣ, я впайнѣ произносила молишву,

чпобы и здѣсь шакже насъ не приняли; но къ моему несчаспію случилось прошивное.

Мы вышли изъ карепы, и я, полуживая, слѣдуя за Княгинею, вскорѣ очупилась въ обширномъ залѣ, гдѣ увидѣла толпу разряженныхъ дамъ, сидѣвшихъ въ молчаніи; около камина и бильярда пѣснились мужчины, разговаривая между собою.

Княгиня опрекомендовала меня хозяину дома, копорый разкланялся передо мною со всею вѣжливоспію; но я не помню уже разговора его; должно бышь, онъ шакже меня не понялъ, ибо я была шакъ смущена, чпо и сама не знала, чпо со мною происходило. Къ счаспію я успѣла сѣсть на стулъ возлѣ Княгини В. Тогда только я осмѣлилась поднять глаза и оглядѣшь весь залъ.

Два предмета особенно обраптили на себя мое вниманіе.

Я узнала ту самую даму, копорую замѣпила въ карепѣ, въѣзжая въ Варшаву. Она сидѣла напропивъ меня. Я спросила объ ней Княгиню В. и она мнѣ сказала, что это Графиня Нель..., одна изъ первыхъ здѣсь щеголихъ, законодательница нарядовъ и увеселеній. Кто не принялъ въ ея избранное общество, тотъ не считается въ колѣѣ *моды* и *хорошаго тона!* ... Ее всѣ здѣсь зовутъ просто Доридою, и я, не желая грѣшнѣе пропивъ *моды*, также всегда буду называть ее въ моихъ письмахъ.

Еще обрапила я вниманіе на сидѣвшаго около Дориды. Благородство и важность дѣлали видъ его значительнымъ: орденъ показывали въ немъ

человѣка заслуженнаго, а совершенно-
лѣтніе возбуждало къ нему уваженіе;
однимъ словомъ, Здѣйславъ Мельш-
пыньскій, — такъ назвала его Княгиня, —
показался мнѣ Вельможею.

Мнѣ Княгиня сказала: »это одинъ
изъ богатѣйшихъ и знаменитыхъ
пановъ въ Польшѣ«. Я же себѣ скажу,
(только не почидай меня легкомы-
сленною), что онъ съ перваго взгля-
да возбудилъ во мнѣ какое-то необы-
кновенное очарованіе. Мнѣ кажется,
какъ будто я его гдѣ-то видѣла. Въ
глазахъ его примѣтно какое-то осо-
бенное выраженіе, показавшееся мнѣ
давно извѣстнымъ. Память моя упо-
мляется, усиливаясь разгадать это,
съ того самаго времени, какъ я его
увидѣла.

Хотя Дорида очень прекрасна, но
она не столько привлекла на себя мое

вниманіе. Ея слова выражають насмѣшку, изображающуюся на лицѣ ея; — это невосхитительно!... Можетъ быть я изъ тщеславія спрого сужу о Доридѣ, унизившей собственную любовь мою. Она, во все время нашего пребыванія, перещепывалась съ одной дамою и съ нѣсколькими мужчинами сидѣвшими позади ея спула и, смотря на меня, хохотала. Я легко догадалась, что это было на мой счетъ. Я смутилась и встревожилась; отъ чего, можетъ быть, Дорида мнѣ не понравилась.

Вотъ шебѣ описаніе всего общесѣва.

Признаюсь, я невольно развеселилась, когда за спуломъ Княгини В. спалъ какой-то франпикъ, многоглазоспвующій и многокланяющійся. По его словамъ легко можно было

догадапсья, чшо онъ всюду бываешъ,
знакомъ со всѣмъ свѣтомъ и каждый
день ему извѣсно, чшо дѣлаешся
во всѣхъ домахъ. Онъ безпреспанно
всѣхъ хвалишъ; безъ его вѣдома
никпо не женишся, не влюбляешся и
ни чей праздникъ не проходишъ безъ
шого, чшобы онъ не поднесъ букета
цвѣшовъ и не написалъ стиховъ,

Спароспичъ (*),—я также буду на-
зывать его, — едва остановился за
нашими спульями, узналъ уже, кпо
я, опкуда и за чѣмъ пріѣхала!! — Онъ
осыпалъ меня похвалами, и нѣшъ ни
одного цвѣпка, ни одной богини, съ ко-
порыми бы онъ меня не сравниалъ. По
счастію, — (ибо эти комплименты
спановились мнѣ несносными), — кпо-

(*) Сынъ Спаросты.

по его спросилъ: « Спароспичъ! Не смопря на по, чпо шебъ все извъспно, а пы еще ничего не знаешъ о молодомъ Князѣ Мельшпыньскомъ. Никогда шакъ долго не скучала безъ него Варшава! »

— » Внукъ мой, исправно исполняя должностъ, находишся шеперь въ своемъ полку. » — Отвѣчалъ его дѣдъ.

— » Можешъ спашься; но шеперь началась зима и въ полку нечего дѣлать, по я ручаюсь, чпо онъ прѣдешъ къ намъ на сихъ дняхъ, » Съ улыбкою прибавила Дарида, какъ бы означая, чпо ей болѣе извъспно, когда возвратишся Князь.

Спароспичъ, нигогда не упускавшій случая сказаъь комплиментъ, проговорилъ мнѣ: « Когда бы Князь узналъ о новой звѣздѣ, появившейся на Варшав-

скомъ горизонтѣ, то, навѣрно, онъ поспѣшилъ бы своимъ пріѣздомъ!»

При Эпихъ словахъ Дорида начала еще болѣе перешептываться и хохотать; потомъ, обращаясь ко мнѣ, съ миною, означавшею, или учпивоспѣ или неудовольствіе, сказала: «если вы очень любопытствуете узнать о Князѣ, то я могу васъ увѣрить, что онъ непременно пріѣдетъ на балъ, который даетъ Французскій посланникъ.

Я хотѣла отвѣчать, что мнѣ нѣтъ нужды любопытствовать о пріѣздѣ Князя; но всѣ почти дамы вдругъ заговорили: » ахъ! какъ это хорошо, что онъ къ намъ возвратился....

— » Безъ него скучны всѣ балы!»

— » И не такъ пріятно капанье на саняхъ!.. «

— » Безъ него все въ безпорядкѣ.»

— » Онъ только одинъ умѣетъ
все оживить!»

— » Вмѣсто хулы, дамы должны
еще похвалить его за то, что онъ,
ослаивши ихъ, щадительно испол-
няетъ свою должностъ. « Произнесъ
одинъ старый Генералъ.

— » Марсъ и Любовь равно могутъ
его увѣнчивать. « Опрозрачалъ Старо-
спичъ.

— » А мы между тѣмъ можемъ
уѣхать. « Шепнула мнѣ Княгиня.

Мы поѣхали.

Княгиня дорогой сказала мнѣ: « изне-
женное дитя, этакъ Князь Мельш-
пыньскій! Дѣдушка балуетъ его; моло-
дежь спавитъ его себѣ въ образецъ,
а женщины около него такъ и увива-
ются! Правда, что занимаешься имъ
чрезвычайно, ибо онъ такой хоро-

шенькой! Однако женщины вредятъ и ему и самимъ себѣ, уловляя каждый его взоръ и каждое слово!»

Эти слова глубоко врѣзались въ моей памяти, и я ручаюсь, что Мальвина, хотя бы имѣла всѣ способы привлечь къ себѣ эпаго знаменитаго Князя, никогда не сдѣлаешь эпаго.

Однакожь мнѣ любопытно узнать это превознесенное чудо! Еще пять дней остаемся до бала Французскаго Посланника. Княгиня мнѣ сказала, что онъ почти цѣлый годъ находится въ узахъ Дориды. Судя по его непоспоянству, это почищается здѣсь великимъ чудопворствомъ.

Но зачѣмъ я объ немъ такъ много пишу тебѣ? ... Довольно еще будетъ времени изобразить тебѣ его послѣ бала, на кошоромъ я его увижу.

Не знаю, опть чего такъ занимаешъ меня эпошъ балъ? ... Мнѣ даже дѣлаешся грустно, когда я подумаю объ немъ. Помнишь, Ванда, балъ въ Кршѣвинѣ 15 Августа? Ахъ! всѣ балы, всѣ Князя, весь большой свѣшъ не сражняющся съ одной минутою, проведенною въ Кршѣвинѣ съ пѣмми, копорыхъ я люблю и копорыхъ всегда буду любить. Прощай, милая моя Ванда. Только въ Кршѣвинѣ находишся истинное счастье Мальвины!...

ТРЕТІЕ ПИСЬМО МАЛЬВИНЫ КЪ ВАНДѢ.

26 Декабря. Варшава.

Ванда, милая Ванда! Не обманчивый ли сонъ со вчерашняго дня меня очаровываетъ? ... Или какое нибудь обольщеніе овладѣваетъ умомъ моимъ? ... Не могу ни понять, ни выразить того,

что со мною дѣлается. . . . Въ моихъ мысляхъ никакой безпорядокъ, что я даже не знаю, съ чего мнѣ начать письмо свое. Милая сестрица, твоя дружба умѣла разгадать тайныя чувства моего сердца; ты теперь можешь поставить себя на моемъ мѣстѣ и узнать состояніе души моей. Выслушай, что меня удивляетъ, смущаетъ, угнетаетъ, превозмущаетъ, и что мнѣ до сихъ поръ непонятно!...

Ты знаешь изъ послѣдняго письма моего, что Французскій Посланникъ собирался дать балъ; только мнѣ неизвѣстно, по какому случаю. Ты также, знаешь что всѣ, особенно дамы, съ нетерпѣніемъ ожидали этого бала, надеясь увидѣть тамъ молодого Князя Мельшпыньскаго. Дорида, заранее разчипавшая всѣ шаги его, увѣряла, что онъ непременно туда придетъ.

Наконецъ наступилъ желанный вечеръ! . . . День, ему предшествовавшій, показался мнѣ чрезвычайно продолжительнымъ.

Я поѣхала на балъ съ какимъ-то смущеніемъ. Наконецъ съ шрепешомъ, но безъ надежды на удовольствіе, я вошла въ залъ.

Вскорѣ множество госпей, блистательное освѣщеніе, звуки музыки, а можетъ быть, (не хочу скрывать передъ побою своего легкомыслія), — шумъ похвалъ, копорыми меня привѣщивали, какъ только я вошла въ залъ. Этотъ шумъ разогналъ мои мрачныя думы и ободрилъ меня, вливая въ сердце радость, испытываемую мной тогда, когда я ирравлюсь окружающимъ меня.

Во мнѣ снова пробудилась охота къ

панцамъ. Нашлось много кавалеровъ, копорые наперерывъ меня ангажировали; я эшимъ была довольна, ибо Дорида могла видѣшь, что я не всѣми еще позабыша.

Я много панцевала опъ чиспаго сердца, не думая даже о знаменипомъ Князѣ, копораго съ пакимъ любопытствомъ я ожидала пять дней.

Я вальсировала съ Майоромъ Лиссовскимъ, копорый почищается здѣсь лучшимъ панцмейстеромъ; но вдругъ у дверей сдѣлался шумъ и повсюду раздались слѣдующія восклицанія: *это онъ!* — *Онъ исполнилъ свое обѣщаніе!* — *Теперь будетъ весело!*

Музыка умолкла. Толпа расплупилась, и я, въ эпомъ молодомъ Князѣ, въ эпомъ предметѣ вниманія всѣхъ молодыхъ женщинъ, въ эпомъ обожаемый прелестей Дориды, узнала. — Людо-

мира! . . . Теперь Людомира Дориды, счастливой Дориды!... Въ эту минуточку во мнѣ исчезла веселость, охота къ панцамъ и охота къ жизни!... Я не могла ни видѣть, ни слышать того, что вокругъ меня дѣлалось; голова моя закружилась и я едва не упала; не чувствуя въ это время ни удивленія, что я въ Князѣ Мальшпыньскомъ узнала Людомира; ни гнѣва, который должны бы внушить душѣ моей его коварные поступки.

Спустя немного времени, я опомнилась; но мысль, что Людомиръ разлюбилъ меня и уже любитъ другую, эта мысль сдавила мое сердце, какъ тяжелый камень. Я ослѣбѣла, подобно бездушному испукану. Не знаю, что подумалъ обо мнѣ Майоръ Лиссовскій? Я послѣ узнала, что онъ спрашивалъ меня два раза, буду

ли я съ нимъ танцевапъ, и не могъ
дождапъся опъ меня опвъпа. Эпи
слова вывели меня изъ забывчивоспи.
Я сказала ему, чпо этому причиноу
внизапное разслабленіе, произошедшее
опъ большаго жара; и, какъ можно
скорѣе, съла въ углу, менѣе всѣхъ при-
мѣпномъ. Мнѣ хопѣлось въ это время
уѣхапъ и выйдпи изъ зала, копорый
за чепверпъ часа озарялся для меня ра-
доспнымъ блескомъ веселія, а теперь
казался мнѣ душнымъ и омраченнымъ.

Какая-то пайная сила приковывала
меня къ кресламъ, на копорыхъ я
сидѣла. Я не могла оспавипъ мѣспа,
съ копораго мнѣ удобно было смо-
трѣпъ на Людомира!... И чпо же увидѣ-
ла?... Людомиръ смопрѣлъ на Дориду
пѣмъ самымъ взоромъ, копорымъ,
когда - по..... Онъ говорилъ ей съ

пою же улыбкой, съ пѣмъ же чувствомъ.... Ахъ, Ванда! зачѣмъ я не въ Кршѣвинѣ?... Зачѣмъ я уѣхала?... Зачѣмъ я не въ безлюдномъ Глазовѣ?... О спокойные дни Глазова, какъ вы далеко опъ Мальвины!... Первый шагъ, сдѣланный мною въ большомъ свѣпѣ, ознаменованъ гореспію и сожалѣніемъ!... Но, Ванда, слушай далѣе. — Я успремила взоръ свой въ уголь зала, гдѣ Людомиръ, опершись на кресла Дариды, разговаривалъ съ нею. Онъ, казалось, позабылъ всеобщую радость, произведенную его прибытіемъ, и все, чпѣ было чуждо Доридѣ.

Въ это время подошелъ къ нему Спарѣспичъ и началъ пихо съ нимъ разговаривать. Казалось, они кого-то искали глазами, осматривая весь залъ.

Сесприца, взоръ Людомира искалъ меня! Я вспрѣпила взглядъ его, пакъ

хорошо мнѣ извѣстный, и почувствовала, что сердце мое переспало бишься, а кровь оспановилась въ жилахъ.

Дорида съ кѣмъ-то пошла танцевать. Людомиръ и Спароспичъ перешли на другую сторону зала и оспановились у окна, около копорого я сидѣла.

— » Чеспъ имѣю рекомендоуать вамъ, — сказалъ мнѣ Спароспичъ, — Князя Мелышпыньскаго, весьма желающаго съ вами бытъ знакомымъ.»

— » Если бы не судьба и препяшпвія, — прервалъ Князь, — то навѣрно бы я былъ не послѣднимъ въ числѣ поклонниковъ новой богини, недавно появившейся въ Варшавѣ.»

Ахъ, Ванда! голосъ Людомира, имѣющій сполько вліянія на сущеспво мое, эти прелеспные звуки, копорыми

уже сполько мѣсяцевъ не поражался слухъ мой, овладѣли мною!... Въ эпю минупу, забывши вину Людомира, я едва было не сказала: о Людомиръ! я напрасно укоряю себя въ помъ, чпо пы разлюбилъ Мальвину, копорая никогда не можетъ забыть себя!...

Однако изысканный комплиментъ Князя Мельшпыньскаго не похожъ на скромное молчаніе, или на слова, дышавшія любовью, копорыя произносилъ Людомиръ въ Кршѣвинѣ! Эпопъ комплиментъ заспавилъ меня препешать; слова, копорыя я хотѣла сказапъ, замерли на успахъ моихъ.

— » Надѣюсь, чпо вы слѣдующій панець не откажетесь танцовапъ со мною. « Сказалъ мнѣ Людомиръ.

Не знаю. чпо бы я опвѣчала ему, если бы Дорида оспавила мнѣ для эшаго время.

Она, переспавши вальсировать и проходя мимо насъ, громко сказала: «Людомиръ, не забудьте же, что вы меня ангажировали на первую мазурку!» —

Людомиръ! называла его Дорида на блиспашельномъ Варшавскомъ балъ!... *Людомиръ!*... Также называла его бѣдная Мальвина въ уединенныхъ Кршевскихъ долинахъ!...

— » Не медлите, Князь, — сказала я, — Дорида васъ уже ожидаетъ; а я теперь панцовать не хочу.»

Едва я сказала это, какъ подбѣжалъ ко мнѣ Майоръ Лиссовскій, ангажируя меня на мазурку.

Не знаю сама, отъ чего (ибо у меня не было охоты панцовать) я поспѣшно вспала и пошла съ Майоромъ Лиссовскимъ.

Прежде нежели заиграли мазурку, Людомиръ, споявшій въ помъ же кругу около Дориды, подошелъ ко мнѣ и сказалъ въ пол-голоса: «Вы, кажется, не хотѣли танцевать?»

— » Правда, что я за нѣсколько минутъ такъ думала; но, вѣдь, и мнѣ можно иногда скоро измѣняясь свои мысли.»

Должно быть что-то суровое оспразилось на лицѣ моемъ, когда я произнесла эти слова; ибо ихъ вліяніе я замѣтила въ глазахъ Людомира. Онъ, казалось, съ горестію замолчалъ.

Примѣя его смущеніе, я желала возвращаясь произнесенныя мною слова; ничего не говорила ему; не смотря на Майора Лиссовскаго и не танцевать, а только плакала.

Людомиръ дѣлалъ въ мазуркѣ фигуры подъ предводительствомъ Дориды. Не

знаю, какъ я окончила мазурку? ...
За ужиномъ Людомиръ сидѣлъ около
Дориды. Вотъ всё, что мнѣ извѣстно.
Послѣ ужина я очуствовала и не-
входила уже въ залъ, гдѣ танцевали.

Ванда! Я испощаю свое перпеніе,
описывая тебѣ малѣйшія подробности
вчерашняго вечера. Но увы! эти под-
робности иногда составляютъ счастье
и несчастье! Онѣ часто заключающъ
въ себѣ дружескій взглядъ, равнодушіе,
опчаяніе и даже самое небо! ...

Я знаю теперь, кто это не зна-
комецъ; это пайинственный Людо-
миръ! Или лучше сказать, не знаю
и не понимаю ничего, что касается
до его судьбы и его поступковъ.

Помню, что я одолжена ему своей
жизнію; помню, что я поклялась ему
никогда не разгадывать его тайны!..

Ты умножила бы этимъ мое несча-
стіе! Вошъ слова, заключающіяся
въ письмъ его, которое теперь у меня
передъ глазами.

Людомиръ, Людомиръ! разлюби меня,
полюби другую; дѣлай, что хочешь!...
Мальвина будешь впайнъ проливать
слезы; но никогда не напомнишь тебѣ,
что ты знакомъ съ нею!

Пора окончивъ это письмо и безъ
того довольно уже длинное. Надобно
дать спокойствіе изнуренному сердцу и
глазамъ, ослабѣвшимъ отъ слезъ. Проспи
меня, милая сестрица, что я, надѣясь
на твою снисходительную дружбу,
раздѣлила съ тобою горести моей
души! Я не могла сдержать мо-
ихъ чувствованій! Но теперь буду
спрашивать. . . . О чемъ? Ахъ! и
сама не знаю! Не понимаю, чего
хочу, что должно дѣлать и чему

должна вѣрнѣе.... Въ моихъ мысляхъ, въ моемъ сердцѣ такой безпорядокъ!... Прощай, милая моя Ванда! Наслаждайся спокойствіемъ въ счастливомъ Кршѣвинѣ. Люби меня; не забудь Мальвины, бѣдной Мальвины! Хошя ты, по крайней мѣрѣ, помни объ ней!...

ПИСЬМО МАЙОРА ДИССОВСКАГО

КЪ ЕГО ПРІЯТЕЛЮ.

30 Декабря. Варшава.

Альфредъ! О чемъ ты теперь думаешь? ... Варшава во всемъ блескѣ призываетъ къ себѣ вѣрныхъ слугъ своихъ. Балы, редушы, собранія, вечеринки и все въ движеніи. Деревня зимою несносна, и ты, вѣрнѣйшій изъ вѣрныхъ обожателей столицы, не можешь покинуть своего скучнаго хутора. Пріѣзжай къ намъ, какъ можно скорѣе, иначе я ошѣ себя опрекаюся

и пы будешь исключень изъ числа
первыхъ нашихъ щеголей. — Надѣясь,
что пы не заслужишь моего выго-
вора и скоро ко мнѣ явишься, я увѣ-
домлю шебя обо всемъ, здѣсь произ-
ходившемъ, чпобы пы, по пріѣздѣ,
не выпучилъ глазъ своихъ, подобно
Кипайцу.

У насъ заблispала новая заря!..
Эпо Мальвина С***, молодая вдова,
никогда невидавшая еще ни Варшавы,
ни большаго свѣпа!...

Алфредъ! пы во всю жизнь свою
не видывалъ ничего подобнаго!...

С*** соединяетъ въ себѣ и заспен-
чивость молодости и невинность; изъ
ея обхожденія замѣшно, что она при-
выкла къ обычаямъ лучшаго общест-
ва. Она опкровенна и весела; но умѣ-
етъ держапъ нашу молодежь въ ка-

кихъ-по границахъ, даже и меня самого, такого творенія, которому прудно сохранишь приличіе. Мальвина своимъ холоднымъ обхожденіемъ иногда такъ озадачивъ, что не смѣешь сказать ни одного вольнаго выраженія и ни одного изъ ихъ словъ, копорья строгость называеиъ *худымъ тономъ*, а мы *щегольствоиъ*! ...

Удивляйся, какъ хочешь, вѣрь или не вѣрь; но по несомнѣнная истина, что Мальвина явила такое чудо! ...

Ты знаешь, что я ни для кого въ свѣтѣ не могу пожертвовать и одной минутой; теперь же я жертвую даже жизнью для того только, чтобы угадывать и выполнять мысли и желанія Мальвины, хотя она сомною также учтивая, какъ и со всѣми;—хотя она обо мнѣ и не думаетъ; — о чемъ

Мальвина уже сказала мнѣ со всей учпивоспїю и опкровенїемъ! . . .

О женщины, о женщины! чпѡ бы вы могли съ нами сдѣлать, еслибы, всегда понимая собспвенную свою пользу, соединяли вы, подобно Мальвинѣ, скромность своего пола съ опкровенной веселостїю; — доброшю съ нѣкоторой гордостїю и женскимъ благородспвомъ, которе заспавило бы каждаго сохранишь приличїе, и которе бы никогда не должно покидать васъ!

Ахъ, Альфредъ! я ужасно влюбленъ въ Мальвину! . . . Не знаю, чпѡ изъ эшаго выйдепъ, ибо она меня не любишь; а чпѡ всего досаднѣе, какъ будпѡ опасается Людомира. — Онъ, на бѣду мою, возврапился, увидѣлъ Мальвину и довольно было одного бала, чпѡбы плѣнишься ея прелеспями. Но

кто бы могъ, увидѣвъ ее на этомъ балѣ, не оспаться ея невольникомъ? ...

Всѣ наши дамы были разряжены, какъ не лзя лучше. Убранство же Мальвины составляло бѣлое платье, обхватывавшее ея гибкій станъ; черныя локоны, перехваченные золопой гребенкою и на лѣвой сторонѣ букетъ свѣжихъ гіацинтовъ, снятый ею съ добродушіемъ послѣ ужина въ угодность причудамъ Дориды, которая, сидя за другимъ концемъ огромнаго стола, воображала, что запахъ гіацинтовъ ей вреденъ.

Дьявольски не по нраву нашей Доридѣ появленіе невинной и прелестной Мальвины; но шѣмъ для меня лучше! Она безпрестанно будетъ докучать Людомиру, чпобы онъ узналъ, что думаетъ объ немъ Мальвина.

Не повѣришь, какъ прудно разгадашь

мысли эшаго прелеспнаго созданія ;
хотя я хипрецъ, но никакъ не съ-
умѣю проникнуть въ глубину ея
души.

Мальвина на балу была по весела,
по задумчива. Она мнѣ сказала, что
это происходѣтъ опѣ сильнаго жара;
но мнѣ кажется причиною этому
внезапное появленіе Людомира.

Не могу понять; видѣлись ли они
когда нибудь другъ съ другомъ, или
были знакомы? ... Ты знаешь, Альфредъ,
что я, по давнишему обычаю, всегда
обращаю вниманіе на то, что меня
интересуетъ. Во время описанія
Людомира я не выпускалъ его изъ
виду и разными маневрами узнавалъ
почти всѣ его движенія. Во первыхъ: я
открылъ, что городъ, гдѣ останавли-
вался онъ съ полкомъ своимъ, нахо-
дился недалеко отъ Кршэвина, дерев-

ни, въ копорой Мальвина имѣетъ свое мѣспопребываніе Во впорыхъ: Людомиръ, не знаю съ какимъ оппускомъ, пихонько въ Маіѣ мѣсяцѣ уѣхалъ изъ полку и прожилъ нѣсколько времени, неизвѣстно гдѣ и зачѣмъ?... Въ прешнихъ: пріѣхавши въ концѣ Августа въ полкъ, онъ сдѣлался весьма печальнымъ и встревоженнымъ. Чпѣо должно изъ всего эпаго заключипь?... А!... увидимъ!... Мы начинаемъ играшь комедію, въ копорой Людомиръ, Мальвина, Дорида и швой покорный слуга будупъ занимашь первыя роли!... Повѣренныхъ найдетсѣ у насъ множество; — нашъ Спарѣспичъ гошовъ уже на эпо. Ты вскорѣ узнаешь, кпо лучше всѣхъ сыграетъ свою роль, и какая будепъ развязка эпой піэсы.

Новостей болѣе никакихъ нѣпъ. Въ будущую весну обѣщаюпъ сдѣлапъ

намъ производспво въ чины. Между
пѣмъ я не оспавиль обыкновенія бра-
нипъ, при каждомъ случаѣ, неслыхан-
ныя несправедливоспи, намъ дѣлаемыя;
ибо всякому изъ насъ, начавши съ
меня, непоняпно, какимъ образомъ
никого не сдѣлаюпъ, по крайней мѣ-
рѣ, Генераломъ? . . .

Дочь Спароспы уже верхомъ не
ѣздипъ; — эпо весьма дѣлаепъ ску-
чными собранія въ Саксонской Райп-
шули! . . . Фелиція Н. всегда прекрасно
панцуепъ гавопъ. Мы съ неперпѣніемъ
ожидаемъ масляницы. — Самаго лучша-
го Bordeaux можно доспавъ у Беренса.
Кашпанъ (*) мой здоровъ и всегда слу-
жипъ удивленіемъ всей нашей моло-
дѣжи. Вопъ новоспи. — Пріѣзжай,

(*) Собака.

какъ можно скорѣе; будь актеромъ,
или, по крайней мѣрѣ, зрительмъ ра-
зличныхъ піесъ, копорыя въ эту зиму
будутъ разыгрываться на сценѣ мод-
наго свѣта Варшавы! . . .

ГЛАВА XII.

Неумолимое время, копораго никто не можешъ удержапъ, безпресшанно улешая, проходишъ, какъ для желающихъ оспановипъ его, пакъ и для шѣхъ, копорые бы хопѣли его ушрапишъ; не взирая на шо, въ слезахъ ли, или въ удовольствіи пропекаешъ жизнь наша.

Прошло нѣсколько недѣль послѣ пріѣзда Князя Мельшпыньскаго, и ни

кто въ Варшавѣ не сомнѣвался уже въ любви его къ Мальвинѣ.

Молодыя женщины упѣшались новой его любовью, находя въ эпомѣ одну только досаду Дориды; спаршія же, особливо близкія Здзиславу, по дружбѣ или по родству, похваляли эпу приязанносць, въ надеждѣ, что все эпо кончится его женипьюбою.

— » Нашъ Людомиръ сдѣлается поспояннымъ, — говорили онѣ между собою, — и въ счастливомъ супружескѣ позабудетъ всѣ свои шалости.«

Здзиславъ, не менѣе Людомира любившій Мальвину, полагалъ въ супружескѣ счастье своего внука; а большая часть людей, копорыхъ занимаетъ каждая новосць, безпрестанно толковали объ эпомѣ до шѣхъ поръ, пока другой предметъ не обратилъ на себя ихъ вниманія.

Каждый изъ собственной выгоды, или изъ пуспаго желанія, предугадывалъ уже будущую судьбу Мальвины, копорая и не думала объ эпомъ. Она не могла понять, чшобы Князь Мельшпыньскій, всѣми споль обожаемый, былъ пошъ самый Людомиръ, копорого она когда-то полюбила и копорого еще до сихъ поръ любитъ.

Любитъ ее не возпрепятствуетъ даже и самый величайшій предразсудокъ. Людомиръ оставилъ Дориду; на него не дѣйствуютъ ни ея плачь, ни гнѣвъ!... Онъ не смопритъ уже ни на одну женщину; занятъ одной только Мальвиною; и Мальвина увѣрена въ эпомъ.

Но Людомиръ былъ влюбленъ въ Дориду, пока случай не привелъ его въ Кршѣвинъ. Онъ позабылъ ее для Мальвины; можетъ также позабытъ

и Мальвину для другой!... Въ Кршэвинѣ она бы поклялась, что Людомиръ никого не любилъ во всю свою жизнь и никогда никого не будетъ любить, кромѣ ея одной.

Мальвина въ Варшавѣ узнала, что Людомиръ былъ влюбленъ въ Дориду и во многихъ женщинъ. Она съ ужасомъ подумала, что Людомиръ не однажды еще будетъ влюбляться. Но, исполняя свою клятву, она даже не напоминала Князю Мельшпыньскому о пребываніи его въ Кршэвинѣ и сама всегда находила предлогъ снисходительно ушайвать его загадочное и странное поведеніе, желая видѣть въ Князѣ Мельшпыньскомъ новое и пріятное знакомство, и позабыть, если бы это было возможно, что прежде въ немъ заключалось все любимое ею въ этомъ мірѣ!...

Чтобы лучше понять мятежные чувства и мысли Мальвины, я предлагаю отрывок изъ ея письма къ Вандѣ, не желая цѣлымъ письмомъ. упомянуть перпѣнія чипапелей.

**ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА МАЛЬВИНЫ
КЪ СЕСТРѢ ЕЯ.**

Ахъ, Ванда! какъ эпопъ большой свѣпъ, часпо представляемый нами восхипипельнымъ, мало заключаепъ въ себѣ испиннаго счаспїя!... Юныя лѣпа, копорыя бы должны сопровождатьсь одними полько удовольспвіями и радоспиями, чаще исполнены гореспей!...

О, Ванда! я несчастна!... Узнай, милая сесприца, пайныя чувства моего сердца, копорыя я могу опкрыпъ одной полько шебѣ.

Съ шѣхъ поръ, какъ я увидѣла въ Варшавѣ Людимира, сердце мое испытывало однѣ горести и безпокойства. Наконецъ онъ оставилъ Дориду и занимается только мною!... Хотя я съ нимъ мало говорю и стараюсь отъ него удаляться, но онъ всегда изыскиваетъ случай, чтобы изъяснить мнѣ любовь свою. Припомъ какой-то внушительный голосъ увѣряетъ меня, что, не смотря на противоположную наружность, его не лзя обвинять и что въ этомъ приключеніи скрывается какая-то тайна!...

Дѣдъ Людомира, отъ котораго онъ зависить, желаетъ супружества своего внука со мною. И пакъ, все идетъ къ лучшему и, кажется, я бы должна быть счастлива.

Ахъ, Ванда! я никогда не испытала счастья!... Ты видѣла и знаешь,

какъ сильно я любила въ Кршѣвинѣ Людомира. — Я думала, что жишъ и любишъ его одно и тоже. — Ты замѣпила желаніе мое раздѣляшъ съ нимъ каждую мысль и каждое впечатлѣніе. Но это желаніе исчезало, если я видѣла, что онъ дышетъ однимъ со мною воздухомъ, что я раздѣляю съ нимъ надежду на будущее счастье. Наконецъ тайная прелестъ, ничѣмъ невыразимая, копорая рождается при первомъ взорѣ и напечатлѣвается въ сердцѣ при первомъ словѣ; эта прелестъ, первый предметъ любви, могущій замѣнишъ и пережишъ всѣ другія чувства; безъ копорой не можешъ существовать истинной любви; эта прелестъ, иногда внушаемая намъ небесами и проникшая въ сердце мое для Людомира, когда я была въ Кршѣвинѣ.... Ахъ, Ванда! эта прелестъ исче-

зла въ Варшавѣ.... Ее замѣнили какія-то гореспныя и спранныя чувства!...

Я люблю смотрѣть на Князя Мельшпыньскаго. Онъ предпочипаетъ меня Доридѣ и всѣмъ женщинамъ; — это меня радуетъ!... Но за все я оплачиваю ему одной только опкровенностію; воспорги болѣе меня превожашъ, нежели успокоивающъ, а за любовь я могу воздавать одной только дружбою!... Не понимаю, зачѣмъ это такъ сдѣлалось?... Опъ чего въ Кршѣвинѣ было иначе?... Я безпрестанно дѣлаю себѣ такіе вопросы. — Это меня превожитъ!...

Я опкрою тебѣ еще одно спранное чувство. Можетъ быть, большой свѣтъ, богатство, любовь, счастье и удовольствія, окружающія въ Варшавѣ Князя Мельшпыньскаго, охладили мое сердце!... Чѣмъ же могу я умножить

его счастье? . . . Сердце мое ему не нужно. . . . Онъ любимъ почти всѣми. Онъ ищетъ счастья, ибо не знаетъ горестей! . . . Ахъ! въ Кршэвинѣ Людомиръ, казалось, удаленъ былъ отъ всего свѣта; казалось, первое благо въ жизни онъ почерпалъ изъ моего сердца. Когда я узнала его, онъ былъ такъ угрюмъ; и изъ состраданія любовь возникла въ сердцѣ моемъ. — Такъ любовь моя была проглагольная и пламенная, какъ состраданіе, чувство, посылаемое небомъ; но она болѣе способна была усладить горестъ, нежели раздѣлять счастье! . . . Напрасно старалась я отыскать на лицѣ Князя Мельшпыньскаго отраженіе задумчивости, проникавшей во глубину души моей, когда я была въ Кршэвинѣ. Его веселый видъ и пламенные взоры выражающъ, кажется, одно только счастье

и удовольствіе, которыми онъ теперь наслаждается. Они болѣе возбуждаютъ зависъ, нежели состраданіе любви!...

Брани меня, Ванда, за эту причудливосъ и, можетъ бытъ, за весьма странныя чувсва!... Я и сама браню себя!... Не я ли въ Кршевинѣ желала Людомиру счасія!... Не я ли спрашила его безчувсвенности?... А теперь? ... Я вижу, что онъ счастливъ, окруженъ родными, друзьями, любимъ своимъ дѣдомъ, обладающимъ, для довершенія счасія, почестями и богатствами. вмѣсто того, чтобы эсимъ утѣшаться, я примѣчаю въ себѣ какое-то странное чувство!...»

Можетъ бытъ, чипапели спанутъ удивляясь, охуждаютъ эту повѣсъ и, конечно, нескоро поймутъ, какимъ образомъ Мальвина позабыла того, кого прежде такъ любила; но пускай

возмущъ немного терпѣнія. Можешъ бышь, въ послѣдствіи они спанушъ обвиняшъ въ эпомъ Мальвину; пускай также припомняшъ, чпо Мальвина лице не романическое, а испинное, и припомъ несовершенное!...

Людомиръ Мельшпыньскій любилъ ее, какъ шолько могъ любилъ. Оспавленная Дорида, замѣнивши любовь ненависпю, выискивала разныя средспва, чпобы очернилъ Людомира въ глазахъ Мальвины, кошорую также желала запушашъ въ какую нибудь *интригу* и шѣмъ унизилъ доброе ея имя.

Замѣпивши, чпо Майоръ Лиссовскій очень былъ влюбленъ въ Мальвину, она надѣялась получишъ чрезъ эпо какую нибудь пользу, и съ видомъ соспраданія однажды сказала ему: »вижу, Майоръ, чпо вы перяеше разсудокъ для Мальвины, кошорою очень

заняпъ и Людомиръ; но повъръпе, чпо съ его спороны эпо не любовь, а полько угожденіе дѣду, чрезвычайно желающему супружеспва внука своего съ С*** для того, чпо она немного побогаче другихъ. Вы Людомиру можепс оказатъ услугу, если спанепс эпому препяпспвоватъ. Мальвина же, безжизненный испуканъ, и не думаетъ о любви Людомира, а полько забавляепся имъ; ибо съ эпой пихою и скромною миной она умѣетъ нравипся болѣе всѣхъ женщинъ въ мѣръ, и ежели вамъ угодно, Майоръ, по я спану выхваляпъ васъ Мальвинъ и вы воспоржеспвуепс надъ Людомиромъ.»

Майоръ нашъ, въ сердцѣ копорого щепс занимала не послѣднее мѣспо, легко эпому повѣрилъ и заключилъ съ Доридою пѣсный союзъ, чпобы

посредспвомъ ея совѣповъ и помощи исполнилъ свои намѣренія.

Между тѣмъ Мальвина, не замѣчая эпихъ замысловъ, всегда удалялась отъ Людомира; хотя была занята имъ, однако сознавалась, что не шакъ уже его любила, какъ любила въ Кршѣвинѣ; припомъ, по женскому самолюбію, она до нѣкоторыхъ поръ радовалась, что Людомиръ для нея все оставилъ.

Разсудокъ предспавлялъ ей въ будущности супружесство съ Княземъ Мельшпыньскимъ предметомъ счастья и какою-то обязанностью; а шайное побужденіе привлекало ея чувства къ милой свободѣ и прелестному Кршѣвину, о которомъ, сама не зная для чего, она часто вздыхала!

Мальвина хотѣла сдержавъ клятву, данную Людомиру; но желаніе разсѣчь узелъ, связывавшій эпу шайну, занималъ ее безпреспанно.

ГЛАВА XIII.

ВЕЧЕРЪ У КНЯГИНИ В*.**

Однажды Княгиня В*** пригласила къ себѣ на вечеръ госпей. Общеспво состояло изъ доброй, привѣпливой хозяйки, прелеспныхъ женщинъ и вѣжливыхъ мужчинъ. Комнапы освѣщались множеспвомъ огней; ужинъ былъ опличнѣй; однимъ словомъ, все было соединено, чпобы эпптъ вечеръ сдѣлать пріятнымъ для каждаго.

Послѣ чаю Спароспичъ сѣлъ за фор-

шепьяно и полько чпо началъ играшь вальсъ, вдругъ все засуешилось; начали передвигають спуля и сполы; каждый подбѣгалъ къ пою, къ копорой влекли его любовь, красота и множество другихъ тайныхъ причинъ. Людомиръ, желая всѣхъ опередить неся черезъ весь залъ, чпобы взять Мальвину танцевають вальсъ, но по несчастію зацѣпился за спуль и разорвалъ плашье Дориды.

— » Ну, право, я во всю жизнь не видывала шакого неловкаго мужчину, какимъ съ нѣкопорого времени сдѣлался Людомиръ!—Вскричала Дорида.—Подите, по крайней мѣрѣ, къ покоевкамъ Княгини и доспаньте иголку съ нипкою, чпобы зашить плашье, ибо по милости вашей я не могла бы танцевать. . . «

Людомиру не лъзя было опгрово-
ришья и онъ пошелъ за иглою.

Сонныя покоевки не скоро могли
опыскашъ иглу; когда же Людомиръ
принесъ ее, и думалъ, чпо эшимъ онъ
опдѣлаешся опъ Дориды, погда она
велѣла ему подержашъ конецъ плашья,
чпобы удобнѣе можно было зашишъ
его шой дамѣ, копорая эпаго шребу-
ешъ.

Между шѣмъ Майоръ Лисеовскій без-
преспанно панцевалъ съ Мальвиною.
Когда же бѣдняжка, Людомиръ, избавил-
ся опъ искуса и подошелъ къ ней,
по она уже была ангажирована на всѣ
шанцы до самаго ужина.

Веселосшъ никогда не покидала Кня-
зя Мельшпыньскаго; но въ эпошъ ве-
черъ его весьма пронула неудача,
чпо онъ не могъ панцовашъ съ Маль-
виною.

Князь Мельшпыньскій, вошедши въ другую комнату, сѣлъ на диванъ и погрузился въ глубокую задумчивость, чего съ нимъ никогда не бывало.

Мальвина, одѣтая въ бѣлое, легкое, какъ вѣшеръ, платье, и съ вѣнкомъ изъ краснаго маку на головѣ, казалась въ эпоху вечеръ гораздо еще прекраснѣе, и опъ того, можетъ быть, она была весела. Ее окружала толпа молодыхъ людей, съ которыми она много разговаривала, много танцевала и была въ совершенномъ удовольствіи. Вдругъ на ея головѣ вѣнокъ немного сдвинулся на сторону и началъ мѣшати ей; она пошла въ другую комнату, чобы передъ зеркаломъ, споявшимъ надъ каминомъ, поправишь вѣнокъ.

Мальвина, посмопрѣвши въ зеркало, улыбнулась съ дѣтскою и невинною радостію, видя, что она была пакъ

прекрасна; но вдругъ ей невольно пришелъ на память Кршєвинъ и она печально вздохнула. Попомъ оперлась рукою на каминъ и, наклонившись смопрѣла въ зеркало; но въ это время она тамъ увидѣла Людомира, прежде ею не замѣченнаго. Онъ смопрѣлъ на нее съ тѣмъ самымъ чувствомъ, которое столько восхищало ее въ Кршєвинъ, и которое она напрасно старалась увидѣть на лицѣ Князя Мельшпыньскаго въ Варшавѣ!...

Она невольно содрогнулась, и въ первый разъ по прїѣздѣ своемъ въ городъ заговорила съ нимъ.

— » Опъ чего, Князь, вы всегда были веселы, а теперь не танцуете и сидите въ задумчивости? ...»

— » Ахъ! я опдалъ бы пол-жизни за одинъ панецъ, но никто со мною

не хопѣлъ танцевать и мнѣ все не нравилось! . . . »

Никто — означало Мальвину; а *мнѣ* все не нравилось означало, что Мальвина не могла танцевать съ нимъ. Обыкновенный разговоръ у влюбленныхъ, которые въ предметъ любви своей заключають цѣлый міръ.

Мальвина, сожалея, что она пакъ холодно поступила съ Людомиромъ, опіказала всѣмъ кавалерамъ, ее ангажировавшимъ. Она извинялась, что не хочетъ болѣе танцевать, ибо ей сдѣлалось очень жарко.

Большая часть изъ нихъ ополшла съ неудовольствіемъ; но Мальвина чрезвычайно обрадовала эпімъ Людомира и не жалѣла уже о вальсѣ.

Послѣ эпаго у многихъ оппала охопа къ танцамъ, и Княгиня В., замѣпивши, что балъ засыпаетъ,

придумала для опдохновенія играшь въ фаншы. Многіе на эпо согласились.

Снова былъ внесенъ круглый споль, и уже въ эпошъ разъ, неспособя на спаранія Дориды и Майора Лисовскаго, Людомиръ успѣлъ сѣсть около Мальвины.

Начали играшь въ секретаря. Эпа игра соспояла въ помъ, чшобы узнашь о чемъ не хопяшь ошкрышо спрашивашь, или объяснишь по, чего не смѣюшь сказашь.

Всѣ выбрали секретаремъ Княгиню В. Большая часть вопросовъ были посредспвенны, но слѣдующіе гораздо замѣчательнѣе другихъ:

Что озаряетъ вашу будущность?...

То, что освѣщало прошедшее.

Какое сходство имѣютъ между собою очарованіе и ненависть?

Они иногда раждаются отъ одного взгляда.

Какія три слова выберете вы?

Отхизна, любовь и слава.

Чѣмъ любовь зажигаетъ и погасаетъ свой пламенникъ?

Вздохами и слезами.

Что есть въ надеждѣ хорошаго и худаго?

То, что она насъ умѣетъ обольщать.

Когда начали въ другой разъ дѣлать вопросы, по Мальвина написала слѣдующій:

Не оставило ли какого нибудь впечатлѣнія минувшее лѣто и прошлый Августъ? ...

Мальвина начала раздавать билешы. Людомиръ нечаянно развернулъ послѣдній и прочитавши его, покраснѣлъ, взглянулъ на Мальвину и, казалось

вымаливалъ, у нея соспрананія. Мальвина, примѣпивши его смущеніе, почла себя виновною и рѣшилась сдѣржапъ кляпву, ему данную. Она еще болѣе увѣрилась въ эпомъ, прочипавши слѣдующій отпвѣпъ на вопросъ свой:

Увы! они оставили впечатлѣніе, на вѣки неизгладимое!... Но изъ состраданія не должно бы вспоминать объ этомъ.

Мальвина, прочипавши эпи слова, еще болѣе увѣрилась, что важная причина заспавляла Людомира скрывать себя. Она замолчала и, желая смягчить свою жестокость, причиненную ему безразуднымъ вопросомъ, начала гораздо лучше объ немъ думать.

Но, увы! какъ будто бы жестокая судьба изыскивала разныя средства

разлучишь ихъ; — то, что должно бы сдѣлапья для Людомира благомъ, обрапилоь ему въ бѣду. Опікровенное обхожденіе съ нимъ Мальвины, возврапивиши ему надежду и веселіе, заспавило припяпъ его обыкновенный образъ жизни, какимъ Мальвина увидѣла его въ Варшавѣ и чѣмъ онъ много опличался опъ обрапченія своего въ Кршѣвинѣ.

Людомиръ снова началъ много говоришь и надо всѣми насмѣхашья. Можепъ быпъ, онъ думалъ, — конечно не опъ чиспаго сердца, — что эпо лучший способъ выказывапъ свое оспроуміе. Но онъ обманывался, подобно многимъ, воображая, что быпъ злорѣчивымъ значипъ быпъ забавнымъ. Не многимъ нравипся эпопъ ничпожпый и легкій способъ забавляпъ дру-

гихъ; а чаще выказывается черезъ это худое сердце.

Не знаю, по какому случаю, послѣ окончанія игры, всѣ заговорили о *Квестахъ* (*), копорымъ должно было начаться съ завтрашняго дня.

Извѣстно, что для эшаго избирается нѣсколько первѣйшихъ дамъ общества, копорыя ходятъ собирають милоспину въ церквахъ и во всѣхъ домахъ, раздѣливши между собою разныя улицы и предмѣстія. Попомъ онѣ отдають милоспины въ больницы и Варшавскимъ сиротамъ.

Наконецъ разговоръ коснулся до благодѣяній, до обычаевъ и до религіи.

Мальвина, понимая, что ея полъ и возрастъ не позволяли ей гласно объ-

(*) Собираніе милоспины.

являть своего мнѣнія, сидѣла въ молчаніи, но не пропускала ничего, что говорили поссторонніе, особливо сказаннаго Княземъ Мельшпыньскимъ, копорый старался поддерживать названіе *Философа* и человека безъ предразсудковъ, данное ему молодыми людьми. Онъ во-все не понималъ значенія ни *Философа*, ни *придразсудковъ*. По этому онъ спалъ поносишь все, что Мальвина почиала священнымъ!...

Предметомъ его насмѣшекъ были благородныя обязанности, религія и обряды.

Людомиръ выпивши за ужиномъ довольно большое число бокаловъ Шампанскаго, еще болѣе просперъ свою дерзость; началъ объяснять свои легкомысленныя понятія и незанимательныя насмѣшки.

Соскучившись, Мальвина спала прощапсья съ Княгинею В., желая уѣхашь домой. Князь Мельшпыньскій, копо-рому вино придадо опваги, подвинулся къ Мальвинѣ и сказалъ:

— » Прелеспная Мальвина! знаю, чпо вы однѣ изъ самыхъ набожныхъ собирапельницъ милоспыни; и пакъ надѣюсь, чпо вы не опкажете мнѣ раздѣлипъ съ вами эпо благочеспивое предпріятіе. Позвольте мнѣ завпра въ десяпъ часовъ ушра явипись къ вамъ.»

— » Князь, не берите на себѣ тако-го пруда! — Съ холодноспію опвѣчала Мальвина, — наши обязан-носпи и наши обѣ нихъ мнѣнія весь-ма несходны, и опѣ того мы никогда не можемъ раздѣляпъ ихъ вмѣспѣ.»

Сказавши эпо, она уѣхала.

Возвратившись домой, Мальвина ощутила въ душѣ своей множество чувствъ, возбужденныхъ въ эпошъ вечеръ различными мыслями.

Не ложась еще спать, она написала большое письмо къ Вандѣ, подробно изобразивши ей эпошъ вечеръ, и окончила слѣдующими словами:

» Милая Ванда! повпоряю тебѣ, я увѣрена еще болѣе въ то, что большой свѣтъ, худые примѣры и худое общество скоро могутъ развратить и самыхъ добродѣтельныхъ. Кто бы убѣдилъ меня, что Людомиръ, который былъ такъ обходителенъ и нѣженъ; который считалъ пріятнымъ долгомъ выполненіе своихъ обязанностей занимался счастьемъ другихъ; а теперь смѣнилъ это благородное занятіе на безжизненную

праздноспь, копорая охлаждаетъ высокія чувспва, и копорая, кажепся, еспь всеобщео принадлежноспію моднаго свѣша;—но никогда Мальвина не послѣдуетъ ей!...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

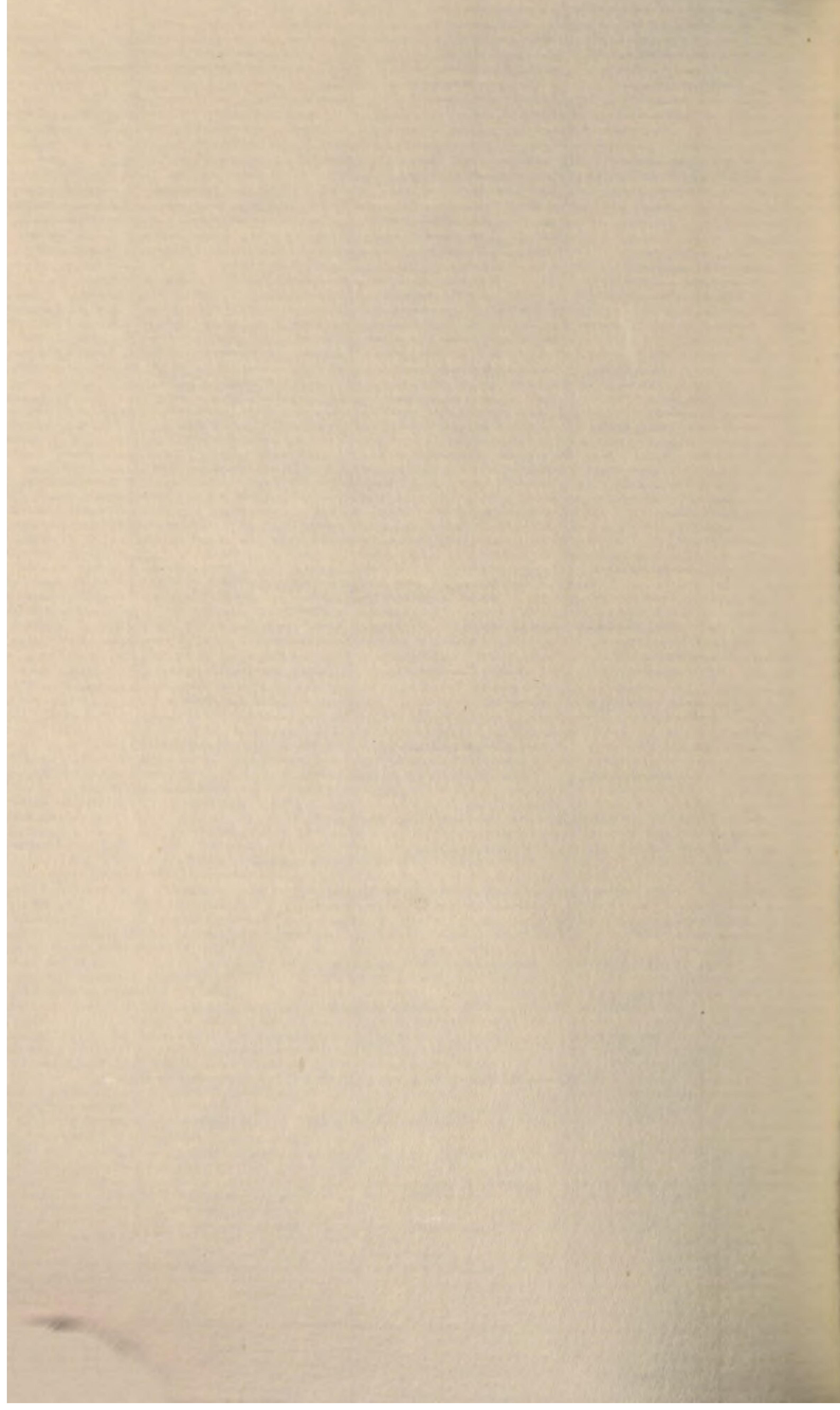
ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Н. Н. ГЛАЗУНОВА

ПРОДАЮТСЯ:

МАЛЮТА СКУРАТОВЪ, ИЛИ ТРИНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО, Новый Историческій оригинальный Русскій романъ. 2 ч. . . . 11 р.

ПИСЬМА О ВОЙНѢ ВЪ РОССИИ 1812 ГОДА. Соч. Пюибюска, Генералъ-Обер-Провіантмейстера войскъ Наполеоновыхъ. Переводъ Александра Рюмина. Авторъ сихъ записокъ, за Смоленскомъ, на возвращенномъ пути изъ Москвы, былъ взятъ въ плѣнъ и — въ плѣну встрѣтилъ своего сына, также плѣнника. Любопытно свиданіе Автора съ Графомъ *Платовымъ*, Генераломъ *Ермоловымъ* и съ Фельдмаршаломъ Княземъ *Кутузовымъ-Смоленскимъ*; его разговоры съ нимъ о войнѣ, о духѣ Наполеонова Сенапа, о военномъ соудѣ Русскихъ Генераловъ подъ Москвою и проч., съ замѣчаніями: кто именно изъ Генераловъ подавалъ какой голосъ и проч., все это извѣстно, но занимательно, равно какъ и самое пребываніе Автора въ С. Петербургѣ. 6. —

ERNET

Inde nach B

Str. 6, 1e

8303 Rotten

Wirtemberska, Maria,

Mal'vina ili predčuvstvie serdca

Bd.: 1. (1834)

Moskva 1834

P.o.rel. 2400-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036019-2